

Вестник Донецкого университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия 06
**Юридические
науки**

4/2025

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки»**

Главный редактор – д-р юрид. наук, проф. **С.Н. Бабурин**.

Зам. главного редактора – д-р юрид. наук, проф. **Н.В. Барбашова**.

Ответственный секретарь – канд. юрид. наук, доц. **Е.А. Матвиенко**, ст. преп. **К.Е. Свиридова**.

Члены редколлегии: д-р юрид. наук, проф. **В.Б. Исаков**, д-р юрид. наук, проф. **В.В. Груздев**, д-р юрид. наук, проф. **А.И. Левченков**, д-р юрид. наук, доц. **Е.М. Сынова**, д-р юрид. наук, проф. **А.Д. Керимов**, д-р юрид. наук, проф. **А.А. Вишневский**, д-р юрид. наук, проф. **О.Г. Чутчева**, д-р юрид. наук, проф. **И.И. Шамшина**, д-р юрид. наук, проф. **Ю. Г. Торбин**, д-р юрид. наук, доц. **В. М. Пашин**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Фоменко**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Годованик**, д-р юрид. наук, проф. **Д.К. Лабин**, д-р юрид. наук, проф. **А.С. Скаридов**.

**The Editorial Board of the journal
«Vestnik of Donetsk University. Series 06. Legal Sciences»**

Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **S.N. Baburin**.

Deputy Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **N.V. Barbashova**.

Executive Secretary – Cand. of Law, Associate Professor **E.A. Matvienko**, Senior lecturer **K.E. Sviridova**.

Editorial board members: Dr. of Law, Prof. **V.B. Isakov**, Dr. of Law, Prof. **V.V. Gruzdev**, Dr. of Law, Prof. **A.I. Levchenkov**, Dr. of Law, Associate Professor **E.M. Synkova**, Dr. of Law, Prof. **A.D. Kerimov**, Dr. of Law, Prof. **A.A. Vishnevsky**, Dr. of Law, Prof. **O.G. Chutcheva**, Dr. of Law, Prof. **I.I. Shamshina**, Dr. of Law, Prof. **Yu. G. Torbin**, Dr. of Law, Associate Professor **V. M. Pashin**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Fomenko**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Godovanik**, Dr. of Law, Prof. **D.K. Labin**, Dr. of Law, Prof. **A.S. Skaridov**.

Адрес редакции: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru

URL: <https://dongu-vestnik06.ru>

Журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» осуществляет публикацию статей по всем отраслям юридической науки, представляющих теоретическую и практическую значимость. Журнал включает следующие основные разделы:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.4. Уголовно-правовые науки

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.5. Международно-правовые науки

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Издается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»: Протокол №12
от 31.10.2025 г.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Егорова Ю.В.* Правовые аспекты взаимодействия Российского государства и Русской Православной Церкви в контексте современных социокультурных процессов..... 5
- Лещенко И.И.* Политико-правовой трактат Илариона «Слове о Законе и Благодати»: некоторые аспекты историографического обзора..... 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Кулакова Е.В.* К вопросу о присяге лица, приобретающего гражданство Российской Федерации..... 16

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Олейникова А.В., Малышко Н.А.* Правовая природа договора каршеринга в Российской Федерации..... 21

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Ушакова К.С.* Проблемы квалификации террористического акта и его отграничения от других смежных составов преступлений..... 28

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Одегова Л.Ю., Соловьёва Ю.А.* Дети в условиях вынужденной миграции: понятие и основные виды международно-правового статуса..... 35
- Поляков В.Ю., Полякова Н.Г.* К вопросу о принципах международного права..... 42

ИНФОРМАЦИОННАЯ РУБРИКА

- Правила для авторов*..... 48

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Egorova Yu. V.* Legal aspects of the interaction between the Russian state and the Russian Orthodox Church in the context of modern socio-cultural processes..... 5
- Leshchenko I.I.* Hilarion's political and legal treatise «The Word of Law and Grace»: some aspects of the historiographical review..... 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Kulakova E.V.* On the issue of the oath of a person acquiring citizenship of the Russian Federation 16

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Oleinikova A.V., Malyshko N.A.* The legal nature of the carsharing agreement in the Russian Federation..... 21

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Ushakova K.S.* Problems of qualification of a terrorist act and its differentiation from other related crimes..... 28

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Odegova L. Yu., Solovyova Yu. A.* Children in conditions of forced migration: concepts and main types of international legal status..... 35
- Polyakova N.G., Polyakov V.Yu.* To the question of the principles of international law..... 42

INFORMATION SECTION

- Instructions for author*..... 48

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 322

DOI 10.5281/zenodo.17820037

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

© 2025. Ю.В. Егорова

В статье рассматриваются ключевые правовые аспекты взаимодействия Российского государства и Русской православной церкви в свете современных социокультурных и глобализационных процессов. Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая данные отношения, а также дискуссионные вопросы, связанные с реализацией принципа светскости государства. В статье также затрагиваются вопросы правового статуса церковных организаций, их взаимодействия с государственными структурами в контексте современных вызовов и международных тенденций. Анализируются возможные перспективы развития правового регулирования и его влияние на баланс светскости и религиозной автономии. Особое внимание уделяется исследованию роли законодательства в обеспечении религиозной гармонии и сохранении культурного наследия в условиях глобализации, а также оценке эффективности существующих механизмов взаимодействия для достижения гармоничного сосуществования государства и религиозных институтов в современном российском обществе.

Ключевые слова: российское государство, Русская православная церковь, правовое регулирование, светскость государства, клерикализация, социокультурные процессы, духовно-нравственные ценности, общественная роль.

Введение. В условиях динамично меняющейся социокультурной среды, характеризующейся глобализационными процессами, секуляризацией и стремлением к поиску национальной идентичности, правовые аспекты взаимодействия государства и Русской православной церкви (далее – РПЦ) приобретают особую актуальность. Целью данной статьи является комплексный анализ этих аспектов, выявление существующих проблем и перспектив развития. Отношения между российским государством и РПЦ имеют глубокие исторические корни и продолжают оставаться одним из определяющих факторов развития российского общества. По справедливому утверждению Баранова П.П. «...Проблемы религиозного сознания и его институционализации в современной России занимают одно из ведущих мест в научных исследованиях как общетеоретического, так и юридического характера» [1].

Основная часть. Ключевым документом, определяющим правовой статус РПЦ и характер её отношений с государством, является Конституция Российской Федерации. В соответствии со статьёй 14, Российская Федерация — светское государство, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [2]. При этом гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его отношения к религии, а также свобода совести и вероисповедания. Анализ места и роли религии в жизни российского общества среди учёных-юристов зачастую сводится к поверхностному рассмотрению статей Конституции, касающихся лишь основ религиозной свободы. Хотя проверка соответствия современной практики

декларируемым конституционным принципам крайне актуальна, юридический дискурс требует более глубокого подхода. Необходимо выявить сущностные и ценностные юридические характеристики категории «светское государство», поскольку именно от понимания этого термина зависит формирование представлений о роли церкви в современном обществе в целом и в отношениях с государством в частности. Булавина М. А. в свою очередь, акцентирует внимание на том, что «...Современная российская история показывает, что отход от конституционных принципов светскости государства, клерикализация институтов государства, нарушения властью прав человека в сфере свободы совести стимулирует рост этноконфессиональной напряженности вплоть до сепаратизма и вооруженных конфликтов» [3].

Важное значение имеет Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон № 125) [4]. Этот закон определяет правовой статус религиозных организаций, устанавливает порядок их регистрации, права и обязанности. Важно отметить, что РПЦ, как и другие религиозные объединения, действует на основании своего внутреннего устава, если он не противоречит законодательству Российской Федерации. Однако, несмотря на немаловажное значение данного документа в контексте правового регулирования ключевых аспектов взаимодействия государства и церкви, принятие Закона № 125, как отмечают Кузнецов С.П. и Кудашкина Ю.С., «сопровождалось бурной полемикой не только в церковных кругах, но и в самих органах государственной власти» [5, с. 89]. Дискуссии между российскими и зарубежными политиками по этому вопросу характеризовались кардинальными расхождениями в оценках роли государства, а именно исполнительной власти, в правовом регулировании религиозной деятельности. Сторонники новой государственной политики, закреплённой в Законе № 125, отстаивали усиление роли исполнительной власти как на этапе создания религиозных объединений, так и в рамках осуществления надзора за их деятельностью [6, с. 69]. Таким образом, можно говорить о перевесе модели государственного патернализма в сфере регулирования конфессиональной деятельности, где исполнительные органы играют доминирующую роль в определении условий существования и функционирования религиозных объединений, в отличие от подходов, где акцент делается на саморегулировании и минимальном вмешательстве государства».

В рамках исследования важно определиться с терминологическим определением понятия «светское государство». Это обусловлено тем, что данная категория, несмотря на её конституционное закрепление (ст. 14 Конституции РФ [2]), имеет множество трактовок как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Разнообразие подходов к определению «светскости» напрямую влияет на понимание места и роли религии в обществе, как было отмечено ранее, а следовательно, и на характер взаимоотношений между государством и религиозными организациями.

Такой исследователь как А. Ш. Будагова отмечает, что «светское государство — это конституционная характеристика государства, означающая отсутствие официальной, обязательной для всех религии, отрицание признания религиозных установлений и правил в качестве источников права и их влияния на деятельность государственных органов, отделение церкви от государства, школы от церкви, отсутствие распространяющих свою юрисдикцию на всех граждан религиозных судов...» [7, с. 10]. А. В. Малашенко выделяет три признака светского государства, которые характеризуют определение в целом: 1) отделение религиозных объединений от государства; 2) отключение религии от политики; 3) религия является частным делом каждого гражданина [8, с. 50].

Самое общее определение акцентируется на том, что светское государство – это государство, в котором не существует официальной государственной религии, и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным. В условиях светского государства религия, ее каноны и догматы, а также религиозные объединения, не вправе оказывать влияния на государственный строй, равно как и на деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственных образований и другие сферы деятельности государства [9, с. 875].

По-нашему мнению, качественная характеристика государства, называемая светскостью, заключается в формализованном правовой системой и реально функционирующем разделении властных полномочий и управленческих функций между органами государственной власти (включая местное самоуправление) и структурами религиозных организаций. Признак светскости означает, что государство не находится в зависимости от конкретной религии или церкви, его юрисдикция распространяется исключительно на мирские аспекты жизни. Аналогичным образом церковь обладает независимостью от политического или государственного управления.

В научном дискурсе рассматриваются три основные модели взаимодействия религиозных объединений и государства: первая определяется наличием в стране религии со статусом государственной, вторая – статусом отдаленности церкви от государства – светское государство и третья – модель теократического государства, в котором власть принадлежит представителям определенной конфессии [10, с. 57].

Российская модель, как правило, тяготеет к варианту светского государства, однако, как уже отмечалось, это не подразумевает полного отстранения церкви от общественной жизни. Она скорее характеризуется как «светское государство с элементами сотрудничества». Эта модель подразумевает, что государство, признавая себя светским и гарантируя свободу совести всем гражданам, одновременно допускает возможность конструктивного взаимодействия с религиозными организациями. Такое взаимодействие может проявляться в различных формах: от сотрудничества в социальной сфере и благотворительности до участия в обсуждении вопросов, затрагивающих духовно-нравственное развитие общества, а также в восстановлении и сохранении объектов культурного и исторического наследия, имеющих религиозное значение.

Важно подчеркнуть, что в рамках данной модели ключевым является принцип равенства всех религиозных объединений перед законом, независимо от их численности, исторической роли или влияния. Государство не должно отдавать предпочтение какой-либо одной конфессии, даже если исторически она занимает особое место в культуре страны. При этом границы такого сотрудничества должны быть четко определены законодательством, чтобы исключить возможность проникновения религиозных структур в сферу светского управления и, наоборот, не допустить чрезмерного вмешательства государства в дела религиозных организаций.

Выводы. Таким образом, анализ практики применения законодательства, регулирующего отношения государства и религиозных объединений в России, показывает, что именно эта модель, находящаяся на стыке принципов светскости и возможности диалога, наиболее релевантна для российского контекста. Однако динамичность социокультурных процессов и необходимость сохранения баланса между различными интересами требуют постоянного осмысления и, возможно, совершенствования правовых механизмов, определяющих характер и пределы такого взаимодействия. Филина Н.В. приходит к выводу, что «Государство не должно возлагать на религиозные объединения функций органов государственной власти и органов местного самоуправления. Государственные органы не должны вмешиваться

во внутреннюю жизнь религиозных объединений, за исключением нарушения последними законов государства. В свою очередь, религиозные объединения не вправе принимать участия в политической жизни государства. Этот признак закреплён в Конституции РФ и федеральных законах, предусмотрен он и в программных документах Русской Православной церкви, российских мусульманских, иудаистских и протестантских религиозных организаций...» [11].

Как отмечает Алексеев А.В. «За последнее десятилетие в России наблюдается законодательная активность на федеральном уровне, осуществляемая при участии церкви, направленная на создание льготных условий для традиционных конфессий и развитие их диалога с государством. Приняты законы, касающиеся возврата церковной собственности, защиты чувств верующих и регламентации миссионерской деятельности» [12]. Именно через эту правовую призму, сочетающую принципиальное разделение сфер компетенции с признанием роли церкви в обществе и наличием законодательных инициатив, способствующих её развитию, прослеживается общность интересов и возможные механизмы взаимодействия между государством и религиозными организациями в современной России. Однако, как отмечалось ранее, существует риск того, что в процессе такого активного взаимодействия могут возникнуть элементы государственно-церковного бюрократизма, когда общность интересов элит может привести к отчуждению от рядовых граждан. Поэтому правовое регулирование должно быть направлено на максимальную прозрачность такого сотрудничества и обеспечение открытого диалога, учитывающего интересы всего активно развивающегося общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов, П. П. Современное состояние конституционно-правового регулирования взаимоотношений церкви и государства в российской Федерации / П.П. Баранов // Философия права. 2014. №1 (62) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-vzaimootnosheniy-tserkvi-i-gosudarstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.
3. Булавина, М. А. К вопросу о правовом содержании понятия «Светское государство» / М.А. Булавина // Известия МГТУ. 2014. №2 (20) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-soderzhanii-ponyatiya-svetskoe-gosudarstvo> (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.
5. Кузнецов, С.П., Кудашкина, Ю.С. РПЦ и государство: правовые аспекты взаимодействия / С.П. Кузнецов, Ю.С. Кудашкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. – С. 89-95.
6. Трофимчук, Н.А. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справочник / Руководитель авт. коллектива Трофимчук Н.А.; Редкол.: Зуев Ю.П. (отв. ред. и сост.) и др.; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, Ком. по связям с религиозными орг. Правительства Москвы. — Москва : Издательство РАГС, 1996. — 285 с.
7. Осипова, Л. Н. Взаимоотношения государственных институтов и религиозных объединений в современной России : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2004. — 187 с.
8. Малашенко, А. В. Христианство и ислам в России: диалог только начинается // Межрелигиозный мир и согласие как условие мирного будущего народов Северного Кавказа: Материалы международной конференции (Пятигорск. 18-19 февраля 1998 г.). – М., 1999. – С. 49-53.

9. Российская юридическая энциклопедия / [Абова Т. Е. и др.]; Гл. ред. А. Я. Сухарев. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – 1110 с.
10. Тагиева, Т.Ю. Проблемы совершенствования отечественного законодательства о свободе совести / Т.Ю. Тагиева // Вестник Гуманитарного университета. – Екатеринбург, 1996. – № 1. – С. 57-58.
11. Филина, Н. В. Понятие и признаки светского государства // Вестник СИБИТа. 2012. №1 (1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-svetskogo-gosudarstva> (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.
12. Алексеев, А. В. Гибридная модель государственно-церковных отношений в современной России // Власть. 2018. №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-model-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 13.08.2025 г., рекомендована к печати 03.09.2025 г.

**LEGAL ASPECTS OF THE INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND THE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-CULTURAL
PROCESSES**

Egorova Yu. V.

The article examines the key legal aspects of the interaction between the Russian state and the Russian Orthodox Church in the light of modern socio-cultural and globalization processes. The article analyzes the legal framework governing these relations, as well as controversial issues related to the implementation of the principle of secularism of the state. The article also touches upon the issues of the legal status of church organizations, their interaction with government agencies in the context of modern challenges and international trends. The possible prospects for the development of legal regulation and its impact on the balance of secularism and religious autonomy are analyzed. Special attention is paid to the study of the role of legislation in ensuring religious harmony and preserving cultural heritage in the context of globalization, as well as evaluating the effectiveness of existing mechanisms of interaction to achieve harmonious coexistence of the state and religious institutions in modern Russian society.

Keywords: Russian state, Russian Orthodox Church, legal regulation, secularism of the state, clericalization, socio-cultural processes, spiritual and moral values, social role.

Егорова Юлия Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: u.egorova.donnu.jur@mail.ru

Egorova Yulia Vladimirovna

Candidate of law, Associate Professor at Department
of Theory and History of State and Law of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: u.egorova.donnu.jur@mail.ru

УДК 340

DOI 10.5281/zenodo.17820142

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТРАКТАТ ИЛАРИОНА «СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЗОРА

© 2025. И.И. Лещенко

В статье представлены некоторые аспекты историографического обзора политико-правового трактата Киевского митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати» с целью его актуализации для изучения истоков отечественного права. Рассмотрены вопросы времени создания данного трактата, его источников, сохранившихся списков, научных исследований, публикаций, структуры и значения для дальнейшего научного исследования.

Ключевые слова: закон, благодать, соотношение закона и благодати, правда.

Введение. Древнерусские произведения, в силу своей практической значимости, а также содержания важных мировоззренческих идей и осмысления моральных аспектов христианства, назывались *словами, поучениями и молениями*. В них были представлены не только концептуальное осмысление всемирной истории, основные тенденции её развития с позиции христианской философии и на основе анализа библейских текстов, но и роль и значение Руси в свете христианского мира.

Первым таким политико-правовым трактатом является «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона. Важно отметить, что, *во-первых*, это уникальный образец древнерусского книжного творчества периода становления христианства на Руси; *во-вторых*, это первое произведение, в котором соединены богословские идеи, философские рассуждения, исторические факты и панегирик русским князьям. *В-третьих*, здесь впервые Русь представлена в роли нового христианского народа и, *в-четвёртых*, это базовый исторический памятник для понимания смысла формирования русской политико-правовой мысли XI-XIII веков.

В контексте современной тенденции актуализации традиционных ценностей в статье представлен историографический обзор «Слова» с целью изучения истоков отечественного права.

Основная часть. В традиции древнерусских книжников, но, возможно, и в стиле эклектики Иларион дал пространное название своему произведению, в котором отражены его смысл и содержание. Оно представлено так: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского (дошла). И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей» [1]. Он обратился к теме актуальной для нового христианского государства, которым тогда являлась Русь. –

«Слово» – это жанр литературного произведения церковно-поучительного характера и торжественного красноречия, которое писалось по особому и очень важному поводу. Указывая на его жанр, учёный Е.Е. Голубинский отмечал, что оно, «будучи по своему содержанию догматическим, по форме представляет собой нечто вроде нынешней торжественной академической речи» [2]. В.П. Адрианова-Перетец

определяла жанр Слова как типичная церковная проповедь. В.П. Острин обозначил его как учёный трактат в защиту Владимира.

Резонно обратить внимание на само понятие «Слово», что наводит на начало Евангелия от Иоанна «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1). Слово – это не филологический термин, а категория, характеризующая и содержащая творческий и созидательный потенциал. К основным источникам «Слова о Законе и Благодати» относятся:

- Слово на Преображение Господне преподобного Ефрема Сирина;
- западнославянские сочинения – пространные жития Кирилла и Мефодия;
- Жития святого Вита и святого Вацлава;
- «Большая апологетика» патриарха Константинопольского Никифора и другие

Византийские произведения.

О времени создания данного трактата в научной среде до сих пор ведутся споры. Изначально, с его первой публикации в 1844 году временные рамки создания ограничивались периодом с 1037 по 1050 год, и это была общепринятая и единственная датировка. Со временем, не подвергая сомнению основной концепции, даты сдвигали в силу новой доказательной базы. Большинство исследователей (А.В. Горский, М.Д. Присельд, Н.Н. Розов, Л. Мюллер, Д.С. Лихачёв) датировали «Слово» 40-ми годами XI века. В публикации Синодального списка «Слова» 1966 года Н.Н. Розов использовал в качестве признака датировки наличие в тексте цитат из Пасхальной и Благовещенской церковных служб. Он назвал дату его провозглашения 26 марта 1049 года [3]. Тем самым опроверг версию М.Д. Приселкова и в основу доказательной базы привёл факт строительства Софии в Киеве. Однако к концу XX века в научной среде сложились две равно-аргументированные позиции учёных о начале и завершении строительства Софии. Одни учёные (Е.А. Болховитников, Д.В. Айналов, Н.Н. Брунов, Н.Н. Воронин, Н.Н. Ильин, С.А. Высоцкий и Толочко П.П.) основанием Софии считали 1017 год, а другие (П.Г. Лебединцев, М.А. Максимович, Н.И. Петро, Ю.С. Асеев, М.К. Каргер, А. Поппе) – 1037 год [4, с. 16].

П.П. Толочко и С.А. Высоцкий выдвинули неопровержимые доказательства основания Софии в 1017 году и её завершения в 1037 году. А.Н. Ужанков, приводя многочисленные аргументы, остановился на версии П.П. Толочко и С.А. Высоцкого, а именно 1037 год, что отвергло версии датировки «Слова» 1049 годом [4, с. 21]. В 2013 году он аргументированно доказал с использованием новых данных наиболее точное время его написания и провозглашения - 1038 год. По его мнению, Иларион произнёс её вечером 25 марта этого же года в церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве. Он называл и подтверждал, документально отразившихся в трактате, восемь знаменательных событий, которые послужили поводом для его написания, тем самым расширяя доказательную базу и показывая их актуальность для 1038 года. Важно перечислить события 1037-1038 годов:

- это совпадение 25 и 26 марта 1038 года праздников Благовещения и Пасхи;
- завершение строительства оборонительных сооружений вокруг Киева;
- освящение церкви Благовещения на Золотых воротах;
- 500-летие Софии Константинопольской;
- завершение строительства Софии Киевской – нового кафедрального собора русской митрополии;
- первый юбилей Софии Киевской;
- 50-летие принятия равноапостольным князем Владимиром христианства на Руси;
- 60-летие самого князя Ярослава Мудрого.

По поводу даже одного из этих великих событий можно было бы произносить торжественную речь. Все они не сами по себе существовали, а прямо отразились в данном трактате. «Воистину – Богозванный год!», – как резюмировал А.Н. Ужанков [4, с. 33].

По мнению многих учёных, «Слово» создано тогдашним пресвитером загородной придворной церкви Ярослава Мудрого Святых Апостолов Иларионом в княжеском селе Берестове недалеко от Киева в уединённой пещерке [5]. Обычно своё авторство скрывали, считая себя ведомыми Богом. И только, если о нём упоминали летописи, имя оставалось в истории. В Повести временных лет под 1051 годом написано, что «Богъ князю вложил в сердце... и постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святей Софии, собравъ епископы» [6]. Иларион же позволил узнать имя автора.

Текст сохранился более чем в 50-ти списках XV-XVI веков. Синодальный список XV века был издан Н.Н. Розовым в 1963 году. Самое последнее издание предпринял Ужанков А.Н. в 2015 году. Произведение написано на литературном церковнославянском языке.

Большинство исследователей данного трактата, например А.Н. Ужанков, Н.Н. Розов, С.М. Мальцев, Д.Р. Погосбемян и другие, предпочитали структурно разделять его на три условные тематические части: соотношение иудейского Закона и христианской Благодати, принятие христианства на Руси с его новой миссией и похвала крестителю Руси князю Владимиру. Каждая из трёх частей имеет не только свой смысл, но одновременно находится во взаимосвязи и иерархическом построении и объединённые общей идеей – прославление Русской земли и русского народа. Детальная характеристика данной структуры представлена А.Н. Ужанковым и Д.Р. Погосбемян. Однако эта градация условная, в тексте специально не выделена и не обозначена названием.

Московский археограф А.В. Горский в 1844 году осуществил первую публикацию «Слова», сопровождая переводом на современный русский язык. Сочинение сохранилось полностью только в рукописи середины XV века (ГИМ – Государственный Исторический музей – Син, № 591) и в единственном экземпляре. Этот синодальный список признан исследователями наиболее близким к недошедшему до нас оригиналу полной первоначальной редакции.

Интерес к изучению «Слова» был проявлен ещё Н.М. Карамзиным, который знакомился с ним по хартеиной рукописи XVII века, назвав его «Житием св. Владимира».

В 1844 году этот трактат был напечатан одновременно по четырём спискам в журнале «Памятники духовной литературы времён князя Ярослава»: Синодальному списку XVI века, списку Троице-Сергиевой Лавры XVI века и двум академическим сборникам XV-XVI веков. В 1842 году в пергаменном сборнике XIV-XV веков из библиотеки И.Н. Царского учёным А.М. Кубаревым был обнаружен список «Слова», а в 1848 году О. Бодянский его опубликовал. Кроме того, в том же году в журнале «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских» (№ 7) были опубликованы несколько вариантов текста по синодальным спискам. Далее следовали публикации из императорской публичной библиотеки. В 1888 году А.И. Соболевский издал этот документ в сборнике «В память 900-летия крещения Руси». В 1894 году Ф.Г. Калугин опубликовал его в «Памятнике древнерусской церковно-учительной литературы», включив в него подробный список всех предшествующих публикаций [7].

В 1903 году И.И. Срезневский опубликовал фрагмент «Слова» по самому древнему списку, который он датировал XII веком. В 1906 году Ф.И. Покровский

публикует фрагмент по списку XII-XIII веков. Это, безусловно, вызывало интерес к активному изучению данного памятника сначала богословами, а затем историками, философами и филологами. Это всё касалось дореволюционных исследований и публикаций.

В советский период особенно во второй половине XX века вновь активизировалась публикация «Слова» в связи с расширением базы источников. Особую значимость представляют работы Н.Н. Розова, который в 1963 году в Праге опубликовал наиболее полный Синодальный список сочинений Илариона на языке оригинала, сопроводив лингвистическим анализом [8]. В 1984 году в Киеве учёным А.М. Молдованом были подготовлены и изданы произведения Илариона по всем известным спискам [9].

В 1986 году в Сборнике института философии «Идейно-философское наследие Илариона Киевского» был опубликован данный памятник в переводе Т.А. Сумниковой. Статьи сборника были посвящены разным политико-правовым и философско-религиозным аспектам произведения особенно в контексте смены религиозных взглядов от язычества к христианству. В.В. Мильков рассматривал философскую концепцию Илариона в спектре древнерусской мысли. А.И. Абрамов исследовал «Слово» «как русскую историософскую реакцию на христианско-идеологическую экспансию Византии». Н.А. Кормин, Т.Б. Любимова и Н.Б. Пилюгина исследовали характер философского мышления Илариона в целом. А.И. Макаров анализировал нравственные идеи. Однако политико-правовые взгляды Илариона не рассматривались. Это же касалось и публикаций, вошедших в Альманах библиофила № 26, изданный в 1989 году. Творчество Илариона изучали филологи, историки и философы, но не юристы, то есть политико-правовые идеи с помощью юридической техники изучены не были.

В 1994 году полный текст был издан и сопровождается предисловием и комментарием В.Я. Дерягиным и А.К. Светозарским.

В современный период интерес к данному документу не ослабевает, напротив, только возрастает, особенно с появлением в 2003 году фундаментального диссертационного политико-правового исследования Д.Р. Погосбеяна на тему: «Политические и правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати» Илариона – митрополита Киевского XI в.», что подтверждает его актуальность и универсальную ценность [10]. Учёный, прежде всего, обратил особое внимание на исследование юридической терминологии, истоки которой прослеживаются в данном трактате. Его интересовала трактовка таких понятий, как закон, правда, благодать и истина. Иларион первым, по мнению учёного, в своём трактате «утвердил определённую традицию, согласно которой «правда» воспринимается и употребляется как юридический термин, включающий в своё содержание юридические характеристики и глубокую нравственную мотивацию» [10]. Правда в понимании Илариона включала в себя одновременно юридическое и нравственное содержание.

К современным изданиям «Слова» можно также отнести работы В.А. Хотакко, А.Н. Ужанкова, О.Б. Сокурова, Дж. Дзиффер, А.А. Попова, С.М. Мальцева и других. В работах исследованы такие вопросы, как становление национального самосознания, формирование русской национальной идеи, процесс формирования русской политической мысли в историческом аспекте, а также принципы библейской риторики.

Выводы. Таким образом, необходимо констатировать, что, *во-первых*, несмотря на исключительную значимость данного произведения для истории и теории права и политико-правовых учений, его научное исследование проводилось не учёными-юристами, а историками, богословами, филологами и искусствоведами. *Во-вторых*, в

учебных курсах по указанным дисциплинам и, прежде всего, по истории политических и правовых учений, идеи Илариона изучались фрагментарно. *В-третьих*, в силу современной тенденции актуализации традиционных ценностей научный интерес к изучению истоков отечественного права только возрастает, что и подтверждают последние исследования «Слова о Законе и Благодати».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иларион Киевский, свт. Слово о законе и благодати (Перевод А. Белицкой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/ (дата обращения: 08.09.2025). – Загл. с экрана.
2. Голубинский, Е.Е. История русской церкви. Т.1, Ч.1. – М., 1880. – 841 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi-tom-1-chast-1-period-pervyj-kievskij-ili-do-mongolskij/ (дата обращения: 10.09.2025). – Загл. с экрана.
3. Розов, Н.Н. Книга древней Руси XI-XIV вв. – М., 1977. – 71 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/1977_20230104_202301/page/9/mode/2up (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.
4. Ужанков, А.Н. «Слово о законе и благодати» и другие творения Илариона Киевского / А.Н. Ужанков; Комис. по изучению духов. основ Рус. культуры науч. совета Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия, Лит. ин-т им. А.И. Горького. – Москва: Академика, 2014. – 349 с. – ISBN 978-5-4225-0051-8.
5. Актеньев, К.К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. – СПб., 2005. – 59 с.
6. Повесть временных лет. – СПб: Наука, 1996. Ч.1.- 163 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001756947?ysclid=mioo6s9vly269840638 (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.
7. Калугин, Ф.Г. Иларин митрополит Киевский и его церковно-учительные произведения. СПб., 1894. Вып 1. С. 59-76. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Ponomarev/pamjatniki-drevnerusskoj-tserkovno-uchitelnoj-literatury-vypusk-1-pouchenija-luki-zhidjaty-mitr-ilariona-feodosija-pecherskogo-i-kirilla-turovskogo/3 (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.
8. Розов, Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. *Slavia pro slovanskou philology*. Praha, 1963. Roc. XXXII. Ses.2.S. 152-175. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/156902-russkaya-pravda-problemy-proishozhdeniya-i-izucheniya-pamyatnika-prava-pravoponimanie-i-pravovoe-regulirovanie-v-istorii-rossii-k-1000-letiyu-poyavleniya-pisanogo-prava-na-rusi-kollektiv-avtorov/read/page-9.html> (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.
9. Молдован, А.М. Слово о Законе и Благодати. Киев, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://religio.rhga.ru/upload/iblock/df7/Слово%20о%20Законе%20и%20Благодати.pdf> (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.
10. Погосбекян, Д.Р. Политические и правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати» Илариона – митрополита киевского (XI в.): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2003.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/politicheskie-i-pravovye-idei-v-slove-o-zakone-i-blagodati-ilariona-mitropolita-kievskogo-kh>?ysclid=miq1qlo2gl728896632_ (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 10.09.2025 г., рекомендована к печати 22.09.2025 г.

**HILARION'S POLITICAL AND LEGAL TREATISE «THE WORD OF LAW AND GRACE»:
SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW**

Leshchenko I.I.

The article presents some aspects of the historiographical review of the political and legal treatise of Metropolitan Hilarion of Kiev «The Word of Law and Grace» in order to update it for the study of the origins of national law. The issues of the time of creation of this treatise, its sources, preserved lists, scientific research, publications, structure and significance for further scientific research are considered.

Keywords: law, grace, correlation of law and grace, truth.

Лешенко Ирина Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Leshchenko Irina Ivanovna

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor at the Department of
Theory and History of State and Law of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 342.71

DOI 10.5281/zenodo.17820238

**К ВОПРОСУ О ПРИСЯГЕ ЛИЦА, ПРИОБРЕТАЮЩЕГО ГРАЖДАНСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2025. *Е.В. Кулакова*

Статья посвящена анализу конституционного принципа равенства граждан Российской Федерации, который подразумевает одинаковое юридическое положение граждан перед законом независимо от оснований, момента и порядка приобретения гражданства РФ. Обосновывается предложение об обязанности принесения Присяги гражданина РФ не только в случае приобретения гражданства, но также всеми гражданами, получающими первый гражданский паспорт.

Ключевые слова: Конституция РФ, федеральный закон, принцип равенства, граждане, натурализация, Присяга.

Введение. Принцип равенства получил свое закрепление сразу в нескольких статьях Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) (ст. 5 – равноправие субъектов РФ; ст. 6 – равенство граждан; ст. 19 – равенство перед законом и судом) [1].

При этом, в ст. 19 Конституции Российской Федерации используются два юридических термина: «равенство перед законом» и «равноправие». Первый термин означает, что закон должен одинаково применяться ко всем лицам, но не гарантирует им одинаковые права и обязанности. В этом контексте слово «все» в статье 19 Конституции имеет реальное значение: и граждане, и организации, и субъекты Российской Федерации, и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм. Однако это не означает, что все субъекты имеют равные права и обязанности. Статья 19 Конституции не утверждает равноправие и равную правосубъектность «всех», а лишь гарантирует одинаковое применение закона ко всем субъектам права.

Таким образом, правовой статус не является равным даже у граждан. Закон представляет собой обширное поле дифференциации правового положения субъектов права, но его применение к этим субъектам должно быть одинаковым.

Основная часть. Конституция Российской Федерации не содержит конкретных указаний на то, перед какими именно законодательными актами равны граждане. Это автоматически предопределяет их равенство перед положениями Конституции Российской Федерации, а также перед федеральными и региональными законами во всём их многообразии.

Нормы Конституции Российской Федерации являются нормами прямого действия и служат исходными началами и ориентирами для разработки и принятия иных нормативно-правовых актов. Закон издаётся соответствующим органом государственной власти, но провозглашается от имени всего государства или субъекта Российской Федерации.

Согласно ч.1 ст. 6 Конституции РФ, а также ч.1 ст. 5 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ) от 28.04.2023 г. гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения [2].

Анализ некоторых положений закона о гражданстве, а именно требований относительно принесения Присяги гражданина при приобретении российского гражданства, а также оснований прекращения гражданства, позволяет констатировать, что законодатель существенно разграничил лиц, рождённых гражданами Российской Федерации и натурализованных лиц, несмотря на прямое действие конституционной нормы о равенстве гражданства «независимо от оснований его приобретения».

Представляется, что анализ положений ФЗ «О гражданстве РФ» от 28.04.2023 г. относительно соблюдения требования о принесении Присяги гражданина России, а также исследование и анализ оснований прекращения гражданства рождённых и натурализованных граждан Российской Федерации позволит сформулировать предложения по совершенствованию законодательства с целью соблюдения конституционного принципа равенства граждан, что подразумевает одинаковое юридическое положение граждан перед законом независимо от оснований, момента и порядка приобретения гражданства РФ.

В июле 2017 г. действовавший на тот момент ФЗ о гражданстве от 31.05.2002 г. был дополнен очень важной статьей (ст. 11.1.), которая содержала норму о необходимости принесения Присяги гражданина Российской Федерации на последнем этапе получения гражданства [3].

В ФЗ 2023 года, как и в редакции предыдущего ФЗ от 2017 года также содержится текст Присяги (ст. 21).

Как отмечают исследователи, перед принятием законодателем текста Присяги гражданина, в Федеральное Собрание Российской Федерации поступило 93 варианта текста присяги, и в результате на рассмотрение нижней палаты парламента был представлен один из них. Это событие можно рассматривать как свидетельство заинтересованности различных политических и социальных сил в данном нововведении в правовой системе России и их стремления внести свой вклад в совершенствование законодательства [4, с. 206].

Анализ текста присяги лица, приобретающего гражданство Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что в её формулировках делается акцент на верховенстве Конституции Российской Федерации, значимости деятельности лица, вступающего в гражданство Российской Федерации, для блага государства и общества, а также на уважении культуры, истории и традиций России.

Эти формулировки позволяют говорить о достаточно обширном перечне условий, которые должен соблюдать новоиспечённый гражданин Российской Федерации.

Присяга приносится лицом после того, как орган, ведающий делами о гражданстве РФ, принимает решение, устанавливающее факт приобретения лицом гражданства Российской Федерации.

Следует отметить, что введение требования принесения Присяги усиливает положения, обязывающие соблюдать Конституцию и законодательство России [5]. Если ранее Закон не устанавливал форму разъяснения или порядок ознакомления соискателя гражданства с данным требованием, то с 2017 года принесение Присяги закрепляет обязанность нового гражданина соблюдать Конституцию и российское законодательство.

В связи с этим, данное положение законодательства следует расценивать положительно, поскольку обязанность соискателя российского гражданства соблюдать

Конституцию РФ и российское законодательство приобрела более формализованный вид.

Вместе с тем, не все положения законодательства о порядке принесения Присяги представляются завершенными и удачными.

Особо следует рассмотреть вопрос об освобождении от принесения Присяги несовершеннолетних, которые наравне с недееспособными и лицами, которые в силу состояния здоровья не способны прочитать и воспроизвести текст присяги, освобождены от данной процедуры (ч. 2 ст. 21 ФЗ «О гражданстве РФ»).

В связи с этим, возникает вопрос о необходимости такого освобождения, поскольку, с одной стороны, несовершеннолетние с 16, а иногда и с 14 лет могут являться субъектами различных видов правоотношений. В частности, согласно Гражданского Кодекса РФ (ст. 26) несовершеннолетие в возрасте от 14 до 18 лет могут совершать ряд, предусмотренных законом сделок [6]. Кроме того, субъектом уголовной и административной ответственности физическое лицо становится по общему правилу с 16 лет (ч. 1 ст. 20 Уголовного Кодекса РФ [7], ч. 1 ст. 2.3. КоАП РФ [8]), а за ряд преступлений – уголовной ответственности подлежат лица при достижении ими 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса РФ). Поэтому не совсем логичной представляется норма закона, освобождающая всех несовершеннолетних от принесения Присяги.

Анализ норм закона о гражданстве РФ, позволяет констатировать, что по своему правовому статусу несовершеннолетнее лицо приравнено к недееспособному лицу относительно вопроса освобождения от принесения Присяги, что также представляется несколько спорным.

Закон также упускает из вида то обстоятельство, что по достижении совершеннолетнего возраста такими лицами, Присяга также не приносится, и им официально не разъясняется необходимость соблюдения законодательства Российской Федерации, исполнения обязанностей гражданина Российской Федерации на благо государства и общества.

Представляется, что данное упущение законодателя нуждается в пересмотре. Учитывая, что по своим способностям понимать и осознавать происходящее, несовершеннолетние существенно отличаются от недееспособных лиц, более логичным видится освободить от данной процедуры только несовершеннолетних в возрасте до 14 лет – возраста получения первого паспорта.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи Присяга содержит обязательство выполнить определенное обещание, давая клятву, лицо берет на себя ответственность и клянется в исполнении соответствующих обязательств [9].

Поэтому логично, что Присяга выполняет в том числе и идеологическую функцию [10, с. 455; 11, с. 604]. Анализ текста присяги в ст. 21 ФЗ «О гражданстве РФ» позволяет утверждать, что принося её, лицо демонстрирует факт того, что разделяет систему ценностей государства, готов исполнять обязанности гражданина РФ по соблюдению Конституции и законодательства, а также уважать культуру, историю и традиции России.

Представляется, что с учётом современных реалий, патриотизм и любовь к Родине признаются одними из приоритетных направлений не только в системе образования России, но и в целом, являются морально-нравственными ориентирами для воспитания современных российских граждан, поэтому введение обязанности принесения Присяги при получении первого паспорта для всех граждан Российской Федерации, а не только для тех, кто приобретает российское гражданство, является логичным продолжением реализации целей, определенных Президентом РФ в Указе от

20.10.2012 (в ред. 12.06.2024 г.) № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» [12].

Предлагаемые изменения относительно обязанности принесения текста Присяги гражданина не только при приобретении гражданства, но и при получении первого паспорта напрямую соотносятся с общими положениями о правоотношениях и юридической ответственности, регулируемой законами России, в том числе, в отношении несовершеннолетних граждан. Кроме того, указанные изменения способствуют реализации общих целей, обозначенных Президентом РФ относительно укрепления духовно-нравственных основ российского общества, совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания, разработки и реализации значимых общественных проектов в этой сфере.

Выводы. Таким образом, анализ положений ФЗ «О гражданстве РФ» о Присяге гражданина России позволяет констатировать некоторое несоблюдение конституционного принципа равенства, которое предполагает одинаковое юридическое положение граждан перед законом независимо от оснований, момента и порядка приобретения гражданства РФ. В целом, неоднократные поправки в предыдущий закон о гражданстве, а также принятие нового ФЗ «О гражданстве РФ» свидетельствуют о том, что институт гражданства в последние годы находится в постоянном развитии, поэтому дальнейшее совершенствование данного института является неизбежным, подлежит дальнейшему исследованию, анализу и трансформации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, внесёнными на общероссийское голосование. 2020. Москва: Изд-во АСТ, 2020. – 64 с.
2. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный Закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.05.2023 г. – № 18. – Ст. 3215.
3. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.06.2002 г. – № 22. – Ст. 2031.
4. Русакова, Н.Г. Присяга при приобретении гражданства Российской Федерации иностранцами // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017, № 4 (40). – С. 205-207.
5. Лискер, А. С. Упрощение порядка приобретения российского гражданства / А. С. Лискер. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 25 (367). – С. 310-313. – URL: <https://moluch.ru/archive/367/82593/> (дата обращения: 07.08.2025).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996 г. – № 25. – Ст. 2954.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1. – Ст.1.
9. Васильев, Ф.П., Бережкова, Н. Ф. Становление и развитие процесса принятия присяги в системе государственных органов в России / Ф.П. Васильев, Н.Ф. Бережкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – №3. – С. 24-25.
10. Русакова, Н.Г. Присяга как юридико-символическое отражение культурных традиций / Н.Г. Русакова // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 453-456.
11. Почекаев, Р.Ю., Тарасов, Н.В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации / Р.Ю. Почекаев, Н.В. Тарасов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 595–608.
12. О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания: Указ Президента РФ № 1416 от 20.10.2012 г. (в ред. 12.06.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36194> (дата обращения: 07.08.2025).

Поступила в редакцию 20.08.2025 г., рекомендована к печати 15.09.2025 г.

**ON THE ISSUE OF THE OATH OF A PERSON ACQUIRING CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Kulakova E.V.

The article is devoted to the analysis of the constitutional principle of equality of citizens of the Russian Federation, which implies the same legal status of citizens before the law, regardless of the grounds, moment and procedure for acquiring citizenship of the Russian Federation. The proposal on the obligation to take the Oath of Office of a citizen of the Russian Federation is justified not only in case of acquisition of citizenship, but also by all citizens receiving the first civil passport.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, federal law, the principle of equality, citizens, naturalization, Oath.

Кулакова Елизавета Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры конституционного и международного
права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

Kulakova Elizaveta Valerevna

Candidate of law, Associate Professor, Associate
Professor at the Department of Constitutional and
International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ**

УДК 347.45/.47

DOI 10.5281/zenodo.17820307

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

© 2025. *А.В. Олейникова, Н.А. Малышко*

В данной работе проведен сравнительный правовой анализ договора каршеринга, проката и аренды транспортного средства без экипажа и выявлены их отличия с целью определения правовой природы договора каршеринга и особенностей его правового регулирования в Российской Федерации. Были применены такие методы исследования как логический метод, метод сравнительного правоведения, контент-анализ. Автором был сделан вывод о том, что договор каршеринга следует рассматривать в качестве самостоятельного договора аренды, а также необходимо разработать и принять правовые нормы, которые бы детально регламентировали содержание договора каршеринга.

Ключевые слова: аренда, каршеринг, договор каршеринга, договор проката, договор аренды транспортного средства без экипажа.

Введение. В настоящее время во многих городах России наблюдается рост спроса на услуги каршеринга, поскольку каршеринг обходится намного дешевле, чем покупка и обслуживание личного автомобиля или поездка на такси. К тому же одним из главных преимуществ каршеринга является возможность управлять автомобилями разных классов комфортности, в частности автомобилем премиум-класса, покупку которого далеко не каждый россиянин может себе позволить. Однако помимо преимуществ каршеринг имеет и недостатки: пробелы в правовом регулировании каршеринга в Российской Федерации, отсутствие единства мнений относительно природы договора каршеринга, серьезные и несоразмерные последствия нарушения обязательств штрафы за нарушения условий договора каршеринга, о которых клиент мог даже не подозревать, если не ознакомился или ненадлежащим образом ознакомился с содержанием договора (например, штраф за перевозку пассажиров, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, за передачу управления каршеринговым автомобилем третьему лицу), автоматическое вменение в вину предыдущему пользователю всех обнаруженных следующим клиентом недостатков автомобиля и др. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержится специальных норм о договоре каршеринга, устанавливающих предмет данного договора, его стороны, существенные условия, права и обязанности сторон, их ответственность за нарушение такого договора, вследствие чего актуальным становится вопрос о правовом регулировании договора каршеринга, в том числе его правовая природа.

Основная часть. Если дословно переводить с английского языка (от car «легковой автомобиль» и sharing «совместное использование, деление») каршеринг означает легковой автомобиль общего пользования. Определение услуги каршеринга нормативно закреплено в п. 1.2 Порядка предоставления субсидий из бюджета города

Олейникова А.В., Малышко Н.А.

Москвы лицам, предоставляющим услугу каршеринг в городе Москве, в целях возмещения части затрат на уплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), процентов по кредитным договорам, заключенным с целью приобретения легковых автомобилей, используемых для предоставления услуги каршеринг в городе Москве (утв. постановлением Правительства Москвы от 31.08.2011 г.

№ 405-ПП) как предоставление легковых автомобилей в краткосрочную аренду на основе поминутной тарификации физическим лицам для целей, не связанным с осуществлением такими физическими лицами предпринимательской деятельности [1]. Термин «каршеринг» также встречается в разделе I «Введение» Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р) как вид краткосрочной аренды транспортного средства у профильных компаний [2].

Главная особенность каршеринга заключается в том, что весь процесс взаимодействия клиента и оператора координируется через специально разработанное мобильное приложение. Чтобы заключить договор с каршеринговой компанией необходимо скачать мобильное приложение соответствующего оператора, зарегистрироваться в нем и загрузить фотографии паспорта, водительского удостоверения, а также селфи с паспортом. После проверки документов клиенту поступит предложение о заключении договора, согласившись с условиями которого ему будет предоставлен логин и пароль к личному кабинету в сервисе. К своей учетной записи клиенту необходимо прикрепить банковскую карту, с которой автоматически будут списываться денежные средства по окончании поездки, а также штрафы за нарушения условий договора. Таким образом, договор с каршеринговой компанией заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде и представляет собой смарт-контракт.

Интересно отметить, что ни один оператор, предоставляющий услуги каршеринга, не называет свой договор договором каршеринга, вместо этого употребляет термины «договор присоединения» (ООО «БИ-БИ.КАР», АО «Каршеринг», АНО «МДТО» филиал «Рули», ООО «Городской Каршеринг»), «договор аренды транспортного средства» (ООО «Яндекс.Драйв»), «договор аренды транспортного средства без экипажа» (ООО «ЭНИТАЙМ», ООО «Новые транспортные системы»). В преамбуле договора ООО «Каршеринг Россия» указывается, что данный договор не является договором проката и публичной офертой, а выступает в качестве договора присоединения [3]. В договоре ООО «ВОРОН», наоборот, предусмотрено, что договор-оферта использования сервиса VORON представляет собой публичную оферту по смыслу ст. 437 Гражданского кодекса РФ в отношении пользователей мобильного приложения VORON [4].

Среди юристов также отсутствует единство мнений относительно природы договора, заключаемого с каршеринговой компанией. Боярская Ю.Н. рассматривает договор каршеринга как разновидность договора проката, поскольку предметом обоих договоров является предоставление за плату во временное владение и пользование движимого имущества (легковых автомобилей). Субъектами договоров являются арендодатель (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель), осуществляющий сдачу имущества в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности, и арендатор (физическое лицо), использующий автомобиль для потребительских целей. Капитальный и текущий ремонт движимого имущества осуществляет арендодатель. Запрещается передавать свои права и

обязанности по договору другому лицу, а также сдавать имущество в субаренду, предоставлять в безвозмездное пользование и вносить в качестве вклада в хозяйственные товарищества и общества или паевого взноса в производственные кооперативы. При этом Боярская Ю.Н. выделяет и различия договора каршеринга и договора проката по форме и сроку договора, арендной плате, правам, обязанностям и ответственности сторон [5, с. 41-42].

Т.А. Бубновская и Ю.Б. Суворов также придерживаются мнения, что договор каршеринга является договором проката, и полагают, что он должен быть типовым. На федеральном уровне постановлением Правительства РФ или приказом Министерства транспорта РФ должна быть утверждена форма такого типового договора каршеринга либо подобный документ может быть разработан и утвержден ассоциацией каршеринговых компаний. К тому же отмечено, что пользователи услуг каршеринга должны находиться под защитой Закона о защите прав потребителей [6, с. 36].

С.Р. Дерюгина, проанализировав признаки, характеризующие договоры проката, аренды транспортного средства без экипажа и каршеринга, приходит к выводу, что договор каршеринга выступает в качестве самостоятельного договора аренды [7, с. 24].

В своей работе И.В. Погодина, И.О. Кирова, А.В. ИONOва, указывая на необходимость нормативного регулирования договора каршеринга, предлагают разработать и принять правила оказания услуг каршеринга (по аналогии с правилами оказания гостиничных услуг и т.п.), то есть рассматривают договор каршеринга как договор возмездного оказания услуг [8, с. 18].

Неопределенность насчет правовой природы договора каршеринга вводит в заблуждение самих пользователей и правоприменителей относительно правового регулирования данного договора. 21 декабря 2018 года Лефортовский районный суд города Москвы рассмотрел гражданское дело по иску И.Р. Сетдинова к семи компаниям, предоставляющим услуги каршеринга (ООО «Каршеринг Россия», АО «Каршеринг», ООО «ИЗИ РАЙД», ООО «Бипмашин», ООО «Новые транспортные системы», ООО «ЭНИТАЙМ», ООО «Яндекс.Драйв») о понуждении к заключению договора и взыскании денежной компенсации морального вреда. Исковые требования истец обосновывал тем, что договоры с каршеринговыми компаниями являются договорами проката и в силу ч.3 ст.626 ГК РФ носят публичный характер, поэтому в соответствии с ч. 1 ст. 426 ГК РФ должны быть заключены с каждым, кто обратился к ответчикам для их заключения без оказания предпочтения одному лицу перед другим лицом в отношении заключения такого договора. В данном случае компании отказали истцу в заключении договора, поскольку И.Р. Сетдинов не соответствовал предъявляемому к клиентам требованию о необходимом минимальном стаже вождения (от одного до двух лет). Лефортовский районный суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований, мотивировав это тем, что договоры о краткосрочной аренде транспортных средств не являются публичными договорами, поэтому ответчики как арендодатели, руководствуясь закрепленным в ст. 421 ГК РФ принципом свободы договора, вправе устанавливать для арендаторов дополнительные требования и ограничения для заключения такого рода договоров, в том числе по возрасту и водительскому стажу. К тому же, суд указал, что такие договоры носят смешанный характер и регулируются нормами подраздела 2 § 3 главы 34 ГК РФ (Аренда транспортных средств) и нормами главы 39 ГК РФ (Возмездное оказание услуг). Нормы о прокате не применяются к данным правоотношениям, так как в отношении аренды транспортных средств в силу ст.625 ГК РФ применяются специальные нормы, содержащиеся в подразделе 2 § 3 главы 34 ГК РФ [9]. И.Р. Сетдинов обжаловал решение Лефортовского районного суда г. Москвы в Московский городской суд, однако данное

решение было оставлено без изменений, поскольку суд первой инстанции с достаточной полнотой исследовал обстоятельства дела, и не было установлено нарушений норм материального права.

На основании норм Гражданского кодекса РФ [10, 11] проведем сравнение признаков, характеризующих договоры проката, аренды транспортного средства без экипажа и каршеринга.

По юридической природе все перечисленные договоры являются консенсуальными, взаимными и возмездными. При этом договор проката носит публичный характер (ст. 606, 626 и 642 ГК РФ).

В качестве предмета договора проката выступает предоставление движимого имущества за плату во временное владение и пользование (ч.1 ст.626 ГК РФ), договора каршеринга – предоставление легковых автомобилей (движимого имущества) за плату во временное владение и пользование. Предметом договора аренды транспортного средства без экипажа является предоставление за плату во временное владение и пользование транспортных средств (ч.1 ст. 642 ГК РФ), которые могут относиться как к движимому, так и к недвижимому имуществу (согласно ст. 130 ГК РФ воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания считаются недвижимым имуществом).

Арендодателем в договорах проката и каршеринга может быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие сдачу имущества (легковых автомобилей) в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности. В договоре аренды транспортного средства без экипажа арендодателем может выступать юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или физическое лицо, являющиеся собственниками транспортных средств, а также лицо, уполномоченное законом или собственником сдавать имущество в аренду (ст.608 ГК РФ).

Арендатором в договоре проката является физическое лицо, использующее движимое имущество исключительно для потребительских целей (ч.1, 2 ст.626 ГК РФ). В качестве пользователя услуг каршеринга выступает физическое лицо, являющееся зарегистрированным пользователем мобильного приложения определенного оператора, соответствующее всем предъявляемым требованиям и ограничениям для заключения такого рода договоров (в том числе по возрасту и водительскому стажу), и использующее легковой автомобиль только для потребительских целей. В договоре аренды транспортного средства без экипажа арендатором может быть как физическое лицо, так и юридическое лицо и индивидуальный предприниматель. К тому же, арендатор транспортного средства, взятого в аренду без экипажа, имеет право использовать его в коммерческих целях: сдавать в субаренду, заключать с третьими лицами договоры перевозки и иные договоры (ст. 647 ГК РФ).

Если сравнивать договоры по сроку действия, то договор каршеринга является краткосрочным и может заключаться на срок от нескольких минут до 7 дней. Договор проката заключается на срок до 1 года (ч.1 ст.627 ГК РФ), а договор аренды транспортного средства без экипажа – на срок, указанный в договоре (если срок аренды в договоре не определен, договор считается заключенным на неопределенный срок – ч.1 и 2 ст. 610 ГК РФ).

По своей форме договор проката и договор аренды транспортного средства без экипажа заключается в письменной форме, может выступать в качестве договора присоединения. Договор с каршеринговой компанией заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде; является договором присоединения, так как все его условия

определены компанией, предоставляющей услуги каршеринга, и принимаются пользователем только посредством присоединения к договору в целом (ст. 428 ГК РФ).

В договоре проката арендная плата устанавливается в виде платежей в твердой сумме, которые могут вноситься периодически или единовременно (ч.1 ст. 630 ГК РФ). Возможен как наличный, так и безналичный расчет. Арендной платой в договоре аренды транспортного средства без экипажа могут выступать: 1) платежи в твердой сумме, вносимые периодически или единовременно; 2) установленная доля полученных в результате использования арендованного имущества продукции, плодов или доходов; 3) определенные услуги, предоставляемые арендатором; 4) передача арендатором арендодателю обусловленной договором вещи в собственность или в аренду; 5) возложение на арендатора затрат на улучшение арендованного имущества (ч.1 ст.614 ГК РФ). Возможен как наличный, так и безналичный расчет. При заключении договора каршеринга арендная плата устанавливается на основе поминутной тарификации. Денежные средства автоматически списываются с банковской карты по окончании поездки, то есть возможен только безналичный расчет.

При заключении договора проката арендодатель обязан: 1) проверить в присутствии арендатора исправность сдаваемого в аренду имущества, ознакомить арендатора с правилами эксплуатации имущества либо выдать ему письменные инструкции о пользовании этим имуществом (ст. 628 ГК РФ); 2) осуществлять капитальный и текущий ремонт (ч.1 ст. 631 ГК РФ). Арендатору запрещается передавать свои права и обязанности по договору другому лицу, а также сдавать имущество в субаренду, предоставлять в безвозмездное пользование и вносить в качестве вклада в хозяйственные товарищества и общества или паевого взноса в производственные кооперативы (ч.2 ст.631 ГК РФ).

Обязанностями арендодателя каршеринговых автомобилей являются: 1) осуществление текущего и капитального ремонта транспортного средства; 2) несение расходов на содержание арендованного транспортного средства, его страхование, расходы, возникающих в связи с его эксплуатацией. При этом арендатор обязан перед поездкой внимательно осмотреть автомобиль и при обнаружении недостатков сфотографировать их и сообщить о них оператору через мобильное приложение. Арендатору запрещается передавать свои права и обязанности по договору другому лицу, а также использовать легковой автомобиль для коммерческих целей.

Арендатор транспортного средства без экипажа обязан: 1) осуществлять текущий и капитальный ремонт транспортного средства (ст.644 ГК РФ); 2) нести расходы на содержание арендованного транспортного средства, его страхование и страхование своей ответственности, а также расходы, возникающие в связи с его эксплуатацией (ст.646 ГК РФ). Арендатор вправе сдавать арендованное транспортное средство в субаренду, заключать с третьими лицами договоры перевозки и иные договоры (ст.647 ГК РФ).

Сравнивая договоры по ответственности сторон, следует отметить, что по договору проката в случае обнаружения арендатором недостатков имущества арендодатель должен безвозмездно устранить их в течении 10 дней либо заменить аналогичным имуществом (ч.1 ст.629 ГК РФ). Если недостатки арендованного имущества появились в результате нарушения арендатором правил эксплуатации и содержания имущества, то арендатор обязан оплатить стоимость ремонта и транспортировки имущества (ч.2 ст.629 ГК РФ).

Арендатор транспортного средства без экипажа несет ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием (ст.648 ГК РФ).

В каршеринговых отношениях имеет место автоматическое вменение в вину предыдущему пользователю всех обнаруженных следующим клиентом недостатков автомобиля. Установлены серьезные штрафы за нарушения условий договора каршеринга (например, штраф за передачу управления автомобилем другому лицу составляет 50 000 руб., а если право управления автомобилем было передано лицу, не имеющему водительского удостоверения, тогда арендатор выплачивает дополнительный штраф в размере 50 000 рублей). Арендатор несет риск случайного повреждения и гибели легкового автомобиля, а также ответственность за вред, причиненный автомобилем. К тому же арендатор выплачивает сумму ущерба, причиненного арендованному автомобилю, в полном размере.

Выводы. На основании проведенного сравнения представляется возможным согласиться с мнением С.Р. Дерюгиной относительно того, что договор каршеринга следует рассматривать в качестве самостоятельного договора аренды, поскольку имеются как сходства, так и существенные отличия между признаками, характеризующими договоры проката, аренды транспортного средства без экипажа и каршеринга.

С учетом всего вышеизложенного можно сделать вывод, что правовое регулирование каршеринга в Российской Федерации является несовершенным: отсутствуют специальные правовые нормы, регулирующие договор каршеринга, у пользователей услугой каршеринга имеются повышенные финансовые риски, не конкретизирован вопрос об ответственности компаний, предоставляющих услуги каршеринга, перед пользователями данной услуги и другое. Рост спроса на услуги каршеринга должен влечь за собой и развитие правового регулирования в этой сфере с целью защиты прав и законных интересов обеих сторон и недопущения злоупотребления со стороны компаний, предоставляющих услуги каршеринга. Следовательно, необходимо разработать и принять правовые нормы, которые бы детально регламентировали содержание договора каршеринга, а именно предмет данного договора, его стороны, существенные условия, права и обязанности сторон, их ответственность за нарушение условий договора каршеринга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве: Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 года № 405-ПП (с изм. на 24 сентября 2024 года) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/397557/> (дата обращения: 09.07.2025). – Загл. с экрана.
2. О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73707148/> (дата обращения: 09.07.2025). – Загл. с экрана.
3. Договор ДЕЛИМОБИЛЬ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://delimobil.ru/terms/contract> (дата обращения: 11.12.2024). – Загл. с экрана.
4. Договор-оферта использования сервиса VORON // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://voron.space/legal/agreement/> (дата обращения: 11.07.2025). – Загл. с экрана.
5. Боярская, Ю. Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга / Ю. Н. Боярская // Юрист. – 2019. – № 8. – С. 39-43.
6. Бубновская, Т. А., Суворов, Ю. Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты / Т.А. Бубновская, Ю.Б. Суворов // Юрист. – 2018. – № 7. – С. 32-36.
7. Дерюгина, С. Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров / С. Р. Дерюгина // Гражданское право. – 2019. – № 4. – С. 21-26.
8. Погодина, И.В., Кирова, И.О., Ионова, А.В. Каршеринг: проблемы правового регулирования и правоприменения / И. В. Погодина, И. О. Кирова, А. В. Ионова // Транспортное право. – 2019. – № 4. – С. 15-18.

9. Информация по делу № 02-3451/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346> (дата обращения: 15.07.2025). – Загл. с экрана.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 15.08.2025). – Загл. с экрана.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 12.09.2023) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 15.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 16.08.2025 г., рекомендована к печати 15.09.2025 г.

THE LEGAL NATURE OF THE CARSHARING AGREEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Oleinikova A.V., Malyshko N.A.

In this work, a comparative legal analysis of the carsharing agreement, rental and rental of a vehicle without a crew has been carried out and their differences have been identified in order to determine the legal nature of the carsharing agreement and the specifics of its legal regulation in the Russian Federation. Such research methods as the logical method, the method of comparative law, and content analysis were applied. The author concluded that the carsharing agreement should be considered as an independent lease agreement, and it is also necessary to develop and adopt legal norms that would regulate in detail the content of the carsharing agreement.

Keywords: rental, carsharing, carsharing agreement, rental agreement, vehicle rental agreement without crew.

Олейникова Алина Вячеславовна

доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: a.olejnikovadongu@mail.ru

Малышко Наталья Александровна

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: natahamal2003@gmail.com

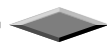
Oleinikova Alina Vyacheslavovna

Associate Professor at the Department of civil law
and process of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: a.olejnikovadongu@mail.ru

Malyshko Natalia Alexandrovna

Master student of the Faculty of Law of Donetsk
State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: natahamal2003@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.326

DOI 10.5281/zenodo.17820395

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2025. К.С. Ушакова

В данной статье рассматривается проблема квалификации террористического акта, дано общее понятие террористического акта, выделены объективные и субъективные признаки рассматриваемого преступления, проведен ряд разграничений со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, террористический акт, субъект уголовной ответственности, общественная опасность.

Введение. В современном мире терроризм приобретает масштаб мирового характера, сопровождая как экономическое, так и культурное развитие многих стран мира. Террористическая угроза оказывает влияние на формирование общественных идеологий, а также стимулирует пороки человеческого общества. Например, из-за воздействия терроризма на общество, в нем зачастую процветают насилие, наркомания, проституция, коррупция. В настоящее время террористические организации действуют на территории как всего мира, так и Российской Федерации (далее – РФ). Основной мерой совершенствования и актуализации антитеррористического законодательства является приведение его в соответствии с правилами правотворчества и нормотворчества, предусматривающих точность и ясность изложения юридического текста и регламентация необходимого объема правового регулирования. В настоящее время ведется активная работа по совершенствованию антитеррористического законодательства, кроме того, Верховный суд РФ в своих разъяснениях не раз затрагивал вопросы, связанные с квалификацией террористических преступлений.

Такая активная работа законодателей и правоприменителей не может не вызывать реакции в научных кругах. Однако, все же возникает множество вопросов к следственной и судебной практике. Одним из самых распространенных является вопрос, связанный с квалификацией террористического акта. Содержание террористического акта как законодательной дефиниции закрепленной в норме права УК РФ и как юридический факт имеет сложную структуру, которая активно развивается и требует особого внимания со стороны общества и государства с целью закрепления в нормативных правовых актах его как основных, так и второстепенных признаков и элементов, а также правильного организационно-правового взаимодействия между правоохранительными органами для эффективного расследования и пресечения такого вида преступления [1, с. 4].

Кроме того, для правильной уголовно-правовой квалификации террористического акта необходимо четкое отграничение от смежных составов преступлений, что имеет место не всегда. Имеется несколько составов преступлений, с которыми легко спутать норму ст. 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), а значит и неверно квалифицировать содеянное деяние, итогом чего становится практически неустраняемая правовая ошибка. Поэтому необходимо своевременно выявлять отграничивающие

признаки смежных составов преступлений, чтобы избежать возможных нарушений и их последствий.

Цель исследования заключается в изучении проблемных аспектов квалификации террористического акта и его отграничения от других смежных составов преступлений.

Основная часть. Группа преступлений, относящихся к преступлениям террористической направленности, включает в себя такой состав, как террористический акт. Сущностное проявление объективной стороны указанного состава проявляется в понуждении субъектов (граждан, государства или же международных организаций) к совершению таких действий, которые представляют собой требования субъекта преступления с применением угроз, содержащих устрашение.

Понимание такого понятия, как террористический акт, имеет достаточно важное значение, так как в уголовном законодательстве содержится достаточное количество статей, схожих с анализируемым составом.

Понятие «террористический акт» отражено в двух нормативно-правовых актах РФ – это УК РФ [2] и Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3]. Так, согласно ст. 205 УК РФ террористическим актом является совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

При формулировании понятия террористического акта, законодатель в нормах статьи 205 УК РФ перечислил наиболее распространенные действия, которые могут быть совершены субъектом преступления, такие как взрыв и поджог. Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку в законе говорится о совершении иных действий. Тем не менее, необходимо наличие определенных целей: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решения.

Между тем М.В. Андреев отмечает, что статья 205 УК РФ устанавливает, как преступные не весь перечень целей актов терроризма. В этой статье, по мнению автора, следовало бы определить в качестве целей террористических актов провокацию войны, изменение международного общественного мнения в отношении государства и значительный перечень других целей террористов [4, с. 19].

Представляется, что в юридической литературе обоснованно указывается на недостаточность законодательной трактовки целей террористического акта и слишком узкую ее формулировку. В частности, целью террористического акта может являться оказание давления на другие организации, а не только международные, на других лиц, обладающих определенным авторитетом и влиянием в обществе. В этой связи полагаем, что формулировку цели террористического акта, содержащуюся в статье 205 УК РФ, целесообразно расширить путем закрепления возможности воздействовать на юридические и физические лица.

Тем самым можно с уверенностью говорить, что террористическая деятельность создает угрозу безопасности отдельных людей, общества, государства и международного сообщества.

Поскольку терроризм в целом, и террористический акт в частности, создают угрозу множеству объектов уголовно-правовой охраны, положения статьи 205 УК РФ нуждаются в совершенствовании в плане определения объекта совершения террористического акта.

Рассматривая объект террористического акта, можно отметить, что он является многообъектным преступлением, так как посягает не на одно общественное отношение, а на несколько общественных отношений, которые охраняются уголовным

законодательством. Террористический акт, являясь составным преступлением, несет для государства, общества и человека существенную опасность [5, с. 135].

В Уголовном кодексе деяния, имеющие своей целью экстремистские мотивы, образуют преступления, посягающие на основы конституционного строя и государственную безопасность, а составы преступлений террористического характера отнесены к преступлениям, посягающим на общественную безопасность. Однако данный вывод представляется не вполне логичным. В научных работах имеются мнения ученых, согласно которым представляется более обоснованным включить составы преступлений террористической направленности, в том числе и ст. 205 в главу 29, содержащую составы преступлений, посягающие на государственную власть и основы конституционного строя.

В Российской Федерации в конце 20 – начале 21 века опасность терроризма резко возросла, действия которого были направлены на массовые убийства людей, взятие заложников и взрывы. Их целью являлось воздействие на принятие решений органами власти. Активное совершенствование форм и методов ведения террористической деятельности в мире может представлять угрозу для безопасности государства – как внутренней, так и внешней [6, с. 249].

О том, что объектом посягательства при совершении террористических актов является безопасность государства, говорят многие исследователи феномена терроризма. Ю.С. Горбунов отмечает, что в попытках изменения охраняемых правом общественных отношений субъекты террористических актов затрагивают безопасность государства и угрожают его территориальной целостности, конституционному строю и так далее. Исследователь высказывает предположение ввести в число признаков диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса РФ нарушение безопасности государства [7, с. 38].

На основании изложенного следует вывод о том, что существует насущная потребность обособить экстремистские и террористические преступления, закрепив их в отдельной главе Уголовного кодекса РФ. Такое обособление даст правоприменительным органам возможность правильного определения объекта преступных посягательств. Примером такого обособления служит Уголовный кодекс Республики Грузия, который содержит раздел «Преступления против государства», в который входит глава «Терроризм».

Объективная сторона рассматриваемого преступления связана в осуществлении активных действий: взрывов, поджога и иных устрашающих действий, направленных на запугивание населения. Однако законодатель не усматривает в норме статьи 205 УК РФ совершения террористического акта посредством бездействия. Несмотря на это, ряд научных исследователей в области юридической деятельности не согласны с такими выводами законодателя.

Известный российский ученый В.В. Мальцев, придерживается мнения, что преступные действия, подпадающие под ст. 205 могут быть совершены в форме бездействия, например, путем вмешательства нарушая принципы работы производственных и технологических процессов на различных промышленных объектах. Мальцев В.В., приводя свои варианты формулировки диспозиции ст. 205 УК РФ, предлагает термин «действия» заменить на термин «деяния». Тогда отпадут все противоречия и непонимания, а стереотип «совершения преступления посредством действия и никак иначе» разрушится [8, с. 105].

Таким образом, хотя террористические акты практически всегда и совершаются путем активных действий, но также их совершение путем бездействия нельзя исключать. В связи с чем, с целью исключения ошибок, возникающих при квалификации рассматриваемого преступления, во избежание затруднительных выводов сотрудников правоохранительных органов, считаем необходимым согласиться с мнением Мальцевым В.В. и в ст. 205 УК РФ заменить термин «иные действия» на «иные деяния».

Субъективная сторона террористического акта – прямой умысел субъекта (осознавал, желал, предвидел). Исключением выступает квалифицированный состав – причинение смерти по неосторожности, в этом случае субъективная сторона будет характеризоваться двойной формой вины. Цель – мысленный результат, на достижение которого направлена деятельность виновного [9, с. 50]. В данном случае в качестве цели совершения рассматриваемого преступления законодатель указал дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений.

Необходимо отметить, что ни законодатель, ни правоприменитель не дают определения и не разъясняют сущности цели дестабилизации деятельности органов власти. Дополнительно следует отметить, что на сегодняшний день законодательство Российской Федерации не определяет содержания дефиниции «дестабилизация деятельности органов власти», также не определены в зависимости от последствий границы дестабилизации, что в результате создает правовую неопределенность и возможность правоохранительным органам действовать не по букве закона, а по собственному усмотрению.

Однако отдельные структурные элементы для проведения надлежащей квалификации должностными лицами, проводящими расследование преступления, имеющего террористическую направленность с целью дестабилизации деятельности органов власти приведены в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [10]. К таковым структурным элементам относятся: а) время; б) место; в) способ; г) обстановка; д) орудия и средства; е) характер и размер наступивших или предполагаемых последствий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного.

Мотив – внутренние процессы, которые побуждают лицо к совершению преступления. Мотивы террористического акта носят так называемый самоутвердительно-общественный характер – проявление мнимого «героизма», попытка самоутвердиться, маргинальность, национальная или религиозная вражда и т. п. Наличие корыстной мотивации в чистом виде практически исключено, однако допускается при сочетании с идейной мотивацией. В юридической науке существует точка зрения о необходимости включения мотива в данный состав в качестве квалифицирующего признака [11, с. 578].

Обязательным элементом состава преступления, без которого отсутствует основание уголовной ответственности, является субъект преступления. В соответствии с действующим уголовным законодательством, субъектом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ возраста 14 лет. Важно отметить, что субъектом преступления может быть, как гражданин РФ, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства.

Примечательно, что в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение об увеличении возраста уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности. Так, в частности, О. Аксенов и О. Качмазов отмечают, что пониженный возраст уголовной ответственности является необоснованным.

В качестве примера авторы приводят состав диверсии (ст. 281 УК РФ), возраст уголовной ответственности за который является общим, то есть с 16 лет. О. Качмазов справедливо отмечает, что с точки зрения законодателя 14-летний подросток в силу своего возраста не может преследовать цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны. При этом тот же подросток вполне осознает и преследует цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятия ими решения [12, с. 30].

Однако стоит не согласиться с мнением вышеуказанных авторов, поскольку повышение возраста уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности создаст хорошие условия для привлечения подростков к

совершению террористического акта, то есть фактически облегчит жизнь преступникам. При этом возраст 14 лет определён законодателем не произвольно, а исходя из анализа различных научных данных, представленных психологией, педагогикой, криминологией, статистикой, которые чётко указывают на распространённость того или иного преступления среди несовершеннолетних, о возрасте полного осознания и руководства лицом своими действиями (бездействиями).

Квалифицирующим признаком рассматриваемого состава преступления является причинение смерти в процессе совершения террористического акта. Однако на практике правоприменитель сталкивается с трудностями при разграничении террористического акта и убийства совершённым общеопасным способом, преступлением, предусмотренным п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данные преступления действительно схожи в субъекте преступления, а также в способе осуществления преступления, однако террористический акт может совершаться более широким разнообразием способов.

Кроме того, определим отличия между двумя рассматриваемыми преступлениями:

- *Объект преступного посягательства.* Под охраной основного уголовного закона находятся два важных для государства и общества объекта – жизнь человека и общественная безопасность и соотносятся они как дополнительный и основной. Определение двух объектов с юридической позиции связано с определением в санкции п. «б» ч.3 ст.205 УК РФ условия, что действия лица, совершившего преступления направлены на умышленное причинение смерти человека при совершении террористического акта.

- *Объективная сторона преступления.* Концептуальная основа правила, сформулированного в специальной статье, предусматривающей объективную сторону убийства, совершённого общеопасным способом, определяет преступное последствие как физиологическая смерть человека.

По сравнению с убийством, совершённым общеопасным способом правовое регулирование, установленное в ч.1 ст.205 УК РФ имеет иную направленность в части законодательного установления негативного общественного последствия, к которому относятся следующие преступные действия:

а) взрыв;

б) поджог;

в) иные действия, запрещенные основным уголовным законом, непосредственно вызывающие у людей чувство страха и способные причинить вред жизни или здоровью человека.

Другими словами, жизнь и здоровье человека не относится к первоочередному объекту (как преступное последствие) – смерть человека и в тоже время указанный юридический факт, как с практической, так и юридической точки зрения не позволяет признать по ч.1 ст.205 УК РФ преступление оконченным.

В то время как при убийстве, совершённым общеопасным способом, без наступления смерти можно говорить лишь о покушении или приготовлении к преступлению.

По аналогии при моделировании правовой ситуации предполагающей, совершение убийства общеопасным способом без фактического подтверждения смерти человека, то такие действия преступника целесообразно признавать как покушение на или приготовление к преступлению.

Необходимо отметить, что п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ в качестве общеобязательного признака не определяет цель совершённого преступления общеопасным способом и при проведении квалификации правоохранными органами цель преступника не учитывается. При этом, цель может быть учтена только в случае назначения последующего уголовного наказания.

Выводы. Анализ юридической конструкции ч.1 ст.205 позволяет сделать вывод о том, что в ней сформирован обязательный признак, позволяющий соотнести преступное

деяние с применением санкции. В качестве такового признака выступает цель, предполагающая, что действия лица совершившего преступления были направлены для оказания негативного влияния на общество, органы государственной власти, международные организации и связанные с ними ими принимаемые решения. В данном случае можно утверждать, что в случае, если лицо, совершившее взрыв или поджог без преследования цели, указанной в ч.1 ст.205 УК РФ, и повлекший смерть человека, то такие действия соотносятся с убийством, совершенным общеопасным способом.

Также следует отличать террористический акт от захвата заложников, разграничение которых можно выделить по следующим признакам: дополнительный непосредственный объект, потерпевший, цель. Дополнительным непосредственным объектом захвата заложников являются общественные отношения, обеспечивающие свободу личности, а при террористическом акте - общественные отношения по обеспечению безопасности жизни, здоровья человека, права собственности, а также нормальное функционирование органов власти или международных организаций.

Для квалификации, совершенного преступления по ст.206 требуется наличие лица (потерпевшего), чья воля ограничена (заложник) вопреки санкции рассматриваемой структурной единицы. По аналогии сформулированное правило в диспозиции ч.1 ст.205 УК РФ исключает наличие заложника или лица, удерживаемого в качестве заложника.

Целью захвата заложника является, согласно диспозиции, ч. 1 ст. 206 УК РФ, понуждение государственных органов, организаций или граждан к совершению действий или воздержания от их совершения как прямого условия освобождения заложника. При террористическом акте цель состоит в прямом воздействии на принятие определенного решения органами власти или международными организациями.

В заключение, можно прийти к выводу, что для правильной квалификации террористического акта необходимо четко знать само определение террористического акта, а также его отличительные черты, в том числе наличие признаков, присущих терроризму. Кроме того, важную роль при квалификации данных преступлений важную роль будет играть цель совершения преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салимов, К.Н. Современные проблемы терроризма / К.Н. Салимов. – М.: Щит-М, 1999. – 216 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 29 декабря 2022 года) (редакция, действующая с 1 января 2023 года) от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст.2954.
3. О противодействии терроризму (с изменениями на 26 мая 2021 года): Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.03.2006. – № 11. – Ст.1146.
4. Андреев, М.В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине / М.В. Андреев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (12). – С. 18-23.
5. Корниенкова, М.Р. Актуальные вопросы квалификации террористического акта / М.Р. Корниенкова, С.Н. Дякина // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 133-136.
6. Калинин, И.О. Анализ видов и последствий террористических актов на территории России / И.О. Калинин, А.И. Белоглазов, А.В. Мирзаянц // В книге: Гражданская оборона на страже мира и безопасности. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 3-х частях. – 2019. – С. 248-254.
7. Горбунов, Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» / Ю.С. Горбунов // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 31-40.
8. Мальцев, В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования / В.В. Мальцев // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 104-107.
9. Иванов, В. Д. Уголовное законодательство РФ / В.Д. Иванов. – В 3 т. – Т. 1. Общая часть. Ростов н/Д., 1996. – 183 с.
10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2012/02/17/terrorizm-dok.html> (дата обращения: 29.08.2025). – Загл. с экрана.

11. Чернова, Н. А. Эмоции и вина в уголовном праве / Н.А. Чернова // Молодой ученый. – 2014. – № 6. – С. 578–581.
12. Качмазов, О. Уголовная ответственность за терроризм / О. Качмазов // Законность. – 1998. – № 8. – С. 29–31.

Поступила в редакцию 29.08.2025 г., рекомендована к печати 19.09.2025 г.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF A TERRORIST ACT AND ITS DIFFERENTIATION FROM OTHER RELATED CRIMES

Ushakova K.S.

This article examines the problem of qualifying a terrorist act, gives a general concept of a terrorist act, identifies objective and subjective signs of the crime in question, and makes a number of distinctions with related crimes.

Keywords: criminal responsibility, terrorist act, subject of criminal responsibility, public danger.

Ушакова Кристина Сергеевна

старший преподаватель кафедры уголовного права
и процесса

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,

Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.

E-mail: k.yshakova@mail.ru

Ushakova Kristina Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law
and Procedure of Donetsk State University,

Russian Federation, DPR, Donetsk.

E-mail: k.yshakova@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.1/8

DOI 10.5281/zenodo.17820485

ДЕТИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА

© 2025. Л.Ю. Одегова, Ю.А. Соловьёва

Статья посвящена анализу правового положения детей, находящихся в условиях вынужденной миграции. Авторами подпадётся критике отсутствие универсального юридического определения понятия «вынужденная миграция». Авторы приходят к выводу о возможности выделения пяти основных видов международно-правового статуса детей, находящихся в условиях вынужденной миграции: дети-беженцы; дети, ищущие убежище; дети, находящиеся под временной или дополнительной защитой; внутренне перемещённые дети. Подчёркивается, что объём прав и уровень защиты таких детей существенно зависят от того, являются ли они сопровождаемыми или несопровождаемыми, что требует применения специальных процедур и усиленных гарантий.

Ключевые слова: миграция; вынужденный мигрант; международно-правовой статус; ребёнок, находящийся в условиях вынужденной миграции; беженец; убежище.

Введение. Развитие принципа всеобщего уважения основных прав и свобод человека неизбежно влечёт за собой всё более пристальное внимание к вопросам обеспечения прав детей, как в обычных условиях функционирования государств, так и в условиях кризисных ситуаций, в частности в условиях вынужденной миграции.

Ещё в конце XX века Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан подчеркивал, что массовое вынужденное перемещение населения представляет собой одну из ключевых глобальных проблем, стоящих перед ООН [1, с. 84]. Эта проблема сохраняет свою остроту и в наши дни: согласно 12-му докладу Международной организации по миграции, в мире насчитывается 281 млн международных мигрантов [2], из которых каждый четвёртый – ребёнок.

При этом, будучи одной из наиболее уязвимых групп населения, дети в условиях вынужденного перемещения сталкиваются с многочисленными угрозами: они подвержены дискриминации, жестокому обращению, произвольному задержанию и даже лишению свободы. Не менее серьёзными рисками остаются принудительный труд и сексуальная эксплуатация. Дополнительную угрозу их правам и безопасности создаёт практика, при которой несопровождаемые дети, несмотря на физическое присутствие на территории принимающей страны, сталкиваются с отказом в предоставлении статуса беженца. Подобные барьеры не только ограничивают доступ к базовой защите, но и значительно усугубляют уязвимое положение детей, оказавшихся в ситуации вынужденной миграции.

Вопросы правового статуса детей, находящихся в условиях вынужденной миграции, были предметом исследований ряда ученых, среди которых особо следует отметить следующих: Е. С. Алисиевич, Е. Ю. Зинченко, М. Н. Маркелова, С. С. Рахмедова, Ю. Моргун и пр. В тоже время сегодня ощущается нехватка исследований, которые бы учли новые реалии международно-правового регулирования обозначенного вопроса.

В связи с этим целью данного исследования является комплексный анализ международно-правового статуса детей в условиях вынужденной миграции.

Основная часть. И в этом контексте сразу стоит отметить, что в международном праве сложилось узкое и, в определённой степени, фрагментарное понимание вынужденной миграции, что отражено в ключевых международных нормативных актах, регулирующих вопросы убежища и защиты перемещённых лиц. На практике термин «вынужденная миграция» чаще всего используется как собирательное обозначение для категорий лиц, прямо закреплённых в международно-правовых документах: беженцев; лиц, ищущих убежища; вынужденных переселенцев и внутренне перемещённых лиц (далее – ВПЛ). При этом само понятие «вынужденной миграции» до сих пор не закреплёно в виде универсальной, юридически обязывающей дефиниции в международных договорах.

В научной литературе попытки определить вынужденную миграцию, как правило, сводятся к перечислению признаков, обозначенных в отношении субъектов вынужденной миграции в основных международно-правовых актах, в частности, в Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (далее – Конвенция 1951 г.) [3] и Протоколе к ней 1967 г. [4].

Одной из устойчивых аксиом в данном контексте является то, что вынужденная миграция, как правило, является следствием грубых нарушений фундаментальных прав человека. К числу таких нарушений необходимо относить: угрозы жизни и здоровью, ухудшение экологической обстановки, невозможность доступа к медицинской помощи, нарушение права на свободу вероисповедания, политических или иных убеждений и пр. Помимо конфликтов и преследований, вынужденное перемещение всё чаще обусловлено чрезвычайными ситуациями – как природного (наводнения, землетрясения, засухи), так и техногенного характера (техногенные катастрофы, радиационные аварии).

В связи с этим, бесспорно, что лица, оказавшиеся в ситуации вынужденной миграции, составляют одну из наиболее уязвимых групп населения. Они сталкиваются с резким изменением социальной, культурной и правовой среды, что неизбежно влечёт за собой психологический стресс, чувство неопределённости и трудности в адаптации к новым условиям.

Учитывая отмеченное, представляется целесообразным использовать категорию «вынужденный мигрант» в качестве родового понятия по отношению к категориям «лицо, ищущее убежища», «беженец», «вынужденный переселенец» и пр. Таким образом, они соотносятся как общее и частное. Саму категорию «вынужденная миграция» можно определять как территориальное перемещение людей, спровоцированное осуществляемыми в отношении мигрантов или членов их семьи насилием или преследованиями, либо являющееся непосредственным результатом чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера [5, с. 31].

Сразу отметим, что в международной правовой практике принято разделять вынужденных мигрантов в зависимости от того, пересекли они границу государства или нет. Лиц, покинувших свою страну и обратившихся за защитой в другом государстве, именуют беженцами, однако важно подчеркнуть, что не каждый вынужденный мигрант автоматически получает статус беженца. Международное право выделяет три ключевые категории вынужденных мигрантов:

- лица, ищущие убежища – граждане иностранных государств или лица без гражданства, вынужденные покинуть место постоянного проживания и подавшие официальное ходатайство о признании их беженцами (их статус пока не подтверждён: они находятся в процессе рассмотрения заявления);

- лица, имеющие временный статус беженца – граждане других государств или лица без гражданства, которым государственные органы страны иммиграции предоставили временную защиту и права на определённый период, идентичные правам беженцев;

- беженцы – лица, чьи основания для вынужденного переселения признаны достаточными для получения международной защиты (им предоставляется не только право на безопасное пребывание, но и доступ к трудоустройству, образованию и другим социальным гарантиям на неопределённый срок).

Вынужденных мигрантов, которые не пересекают административные границы государств, принято называть ВПЛ. Согласно Руководящим принципам ООН [6] по внутреннему перемещению ВПЛ – это лица или группы, вынужденные покинуть свои дома вследствие вооружённых конфликтов, массового насилия, грубых нарушений прав человека, природных или техногенных катастроф, но не пересекшие международно-признанных государственных границ. Важно отметить: хотя термин «внутренне перемещённое лицо» описывает категорию уязвимых людей, он не создаёт отдельного правового статуса – такие лица остаются гражданами своей страны и продолжают пользоваться правами, предусмотренными национальным законодательством и международными нормами в области прав человека.

В этом контексте ребёнком в условиях вынужденной миграции следует считать лицо, не достигшее 18-летнего возраста, которое вынуждено покинуть место постоянного проживания из-за опасений преследования, в результате или во избежание последствий вооружённых конфликтов, смены политического режима, нарушений прав человека, природных катаклизмов (стихийных бедствий) или антропогенных катастроф (негативных природно-техногенных изменений природной среды, вызванных хозяйственной деятельностью человека), как с пересечением границ государства, так и без такового.

Соответственно, можно выделить следующие подкатегории таких детей с учётом форм международной защиты: дети-беженцы; дети ищущие убежища; дети находящиеся под временной защитой; дети получившие дополнительную защиту; дети перемещённые внутри страны.

Еще раз подчеркнём, что в отличие от понятий «беженец» или «искатель убежища», само слово «мигрант» не имеет чёткого юридического содержания в международном праве. Оно используется в широком смысле – для обозначения любого человека, находящегося вне страны своего происхождения или постоянного проживания, независимо от мотивов перемещения. При этом различают общий и специальный правовой статус мигрантов.

Общий статус характеризуется следующим: перемещение через административные или государственные границы; изменение объёма прав и обязанностей; временный, переходный характер статуса, возникающий с момента пересечения границы или обращения в компетентные органы и прекращающийся при выезде из страны или получении её гражданства.

В то же время специальный статус (например, статус беженца) чётко регулируется международными договорами. Так, ст. 1 Конвенции 1951 г. определяет беженца как лицо, находящееся вне страны своей гражданской принадлежности из-за обоснованных опасений преследования по признакам расы, религии, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений, и неспособное или не желающее воспользоваться защитой своей страны. На сегодняшний день Конвенция ратифицирована 145 государствами и в совокупности с Протоколом 1967 г. составляет основу универсального режима защиты беженцев.

Сразу стоит отметить, что Конвенция 1951 г. и Протокол к ней устанавливают для детей-беженцев те же стандарты, что и для взрослых. Первым международным договором, который установил большинство стандартов в отношении детей-беженцев, стала подписанная в 1989 г. Конвенция о правах ребенка [7]. Хотя данная Конвенция не является специальным договором в отношении беженцев, дети-беженцы подпадают под ее действие, так как она «охватывает» всех лиц моложе 18 лет.

В международном праве помимо статуса беженца закреплены и другие формы защиты для лиц, оказавшихся в ситуации вынужденного перемещения. Среди них – лица, ищущие убежище, и лица, находящиеся под временной защитой.

Лица, ищущие убежище, – это те, кто обратился с ходатайством о признании беженцем, но на чьи заявления о получении официального статуса беженца еще не был дан ответ. Их статус является промежуточным, поскольку их положение соответствует

критериям беженца, установленным в Конвенции 1951 г., однако это положение пока не подтверждено компетентными органами государства. До принятия окончательного решения такие лица пользуются ограниченной правовой защитой, предусмотренной национальным законодательством и международными стандартами.

В отличие от индивидуальной процедуры признания беженцем, временная защита применяется в исключительных обстоятельствах – прежде всего при массовом или угрожающем массовом притоке перемещённых лиц, когда обычная система убежища не в состоянии справиться с такой нагрузкой. В этом случае государство не оценивает каждый случай отдельно, а предоставляет коллективную, срочную защиту на основе группового подхода. Такой механизм служит компромиссом между неукоснительным соблюдением обязательств в соответствии с положениями Конвенции 1951 г. и практическими ограничениями, с которыми сталкивается государство в чрезвычайной ситуации. Как правило, временная защита рассматривается как первоочередная мера, направленная на обеспечение базовых прав и безопасности, с последующим переходом к индивидуальному рассмотрению заявлений при нормализации обстановки [8].

Так, согласно п. а ст. 2 Директивы Совета Европейского Союза 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 г. [9] временная защита – процедура исключительного характера для обеспечения в случае массового или неизбежного массового наплыва перемещённых лиц из третьих стран, которые не могут вернуться в страну своего происхождения, немедленной временной защиты таких лиц, особенно если существует риск того, что система убежища не сможет справиться с таким наплывом без негативных последствий для своего эффективного функционирования, интересов соответствующих лиц, а также других лиц, просящих о предоставлении защиты.

Что касается лиц, находящихся под дополнительной защитой, то Модельным законом СНГ «О беженцах» закрепляется, что дополнительная защита – форма международной защиты, предоставляемая иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые не соответствуют определению понятия беженца, закреплённому в указанном Законе, но сталкиваются с реальной опасностью причинения серьёзного вреда, в частности с опасностью вынесения смертного приговора, смертной казни, пыток или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, серьёзной угрозой жизни или личной неприкосновенности по причине, связанной с международным или внутренним вооружённым конфликтом [10].

УВКБ ООН отмечает, что различные интерпретации государствами критериев включения, установленных в ст. 1 Конвенции 1951 г., приводят к существенным различиям в показателях признания государствами статуса лиц в подобных обстоятельствах. Некоторые лица, признанные беженцами в одном государстве, могут получить отказ в предоставлении такого же статуса в другом. УВКБ ООН к категориям лиц, в отношении которых имеются «различные взгляды государств» на понимание критериев определения беженцев и соответственно которым в ряде случаев предоставляется статус дополнительной защиты, отнесены следующие: лица, опасющиеся преследования представителями негосударственных групп по причинам, изложенным в Конвенции 1951 г.; лица, которые спасаются от преследования в районах продолжительных конфликтов; лица, опасющиеся или являющиеся жертвами преследования по гендерным признакам, а также лица, которые иным образом соответствуют критериям Конвенции 1951 г. [11].

Таким образом, дополнительная форма защиты подразумевает, что определённый правовой статус лицу «присваивается» после признания индивидуальных потребностей в защите и определения их характера.

Отдельную категорию, как мы уже отмечали, составляют ВПЛ – лица, вынужденные покинуть свои дома из-за насилия, конфликтов, нарушений прав человека или катастроф, но не пересекшие государственных границ. Статус ВПЛ определён в Руководящих принципах ООН 1998 г., которые, хотя и не являются юридически обязывающими, служат

ключевым ориентиром в международной практике. Основные критерии для отнесения лица к категории ВПЛ – это вынужденный характер перемещения, его связь с конкретными угрозами и отсутствие пересечения государственной границы.

Бесспорно, что все перечисленные статусы применимы как к сопровождаемым, так и к несопровождаемым детям. Согласно ст. 22 Конвенции о правах ребёнка, государства-участники должны принимать необходимые меры, с тем, чтобы обеспечить ребенку, желающему получить статус беженца или считающемуся беженцем в соответствии с применимым международным или внутренним правом и процедурами, как сопровождаемому, так и не сопровождаемому его родителями или любым другим лицом, надлежащую защиту и гуманитарную помощь в пользовании применимыми правами, изложенными в указанной Конвенции и других международных документах по правам человека или гуманитарных документах, участниками которых являются указанные государства.

По мнению Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) несопровождаемыми и разлученными с родителями детей необходимо определять в соответствии с Конвенцией о правах ребенка следующим образом:

- разлучённые с родителями дети – те, кто разлучен со своими родителями или основным опекуном, но может находиться под присмотром других родственников;
- несопровождаемые дети – те, кто лишился связи как с родителями, так и с другими близкими, и не находится под опекой какого-либо взрослого, ответственного за них по закону или традиции [12].

И в этом контексте хотелось бы обратить внимание на то, что согласно разъяснениям УВКБ ООН, разлученные и несопровождаемые дети-беженцы имеют право подать индивидуальное заявление на статус беженца и тогда к таким детям применяется подход, основанный на положениях Конвенции 1951 г. Процедура оценки индивидуальных заявлений несопровождаемых детей-беженцев поясняется в специальном руководстве УВКБ ООН [13].

Как справедливо по этому поводу отмечает М. Н. Маркелова, такой подход в отношении несопровождаемых и разлученных детей в условиях вынужденной миграции в части расширения возможностей подачи индивидуальных заявлений о предоставлении статуса беженца и продвижения таких возможностей ставят вопрос об изменении самой концепции «ребенка», поскольку фактически делают приоритетными действия самих детей от своего имени в защиту собственных прав, тогда как формально закрепленная, в частности, в Конвенции о правах ребенка концепция исходит из необходимости специальной охраны и заботы со стороны взрослых [14, с. 11].

Выводы. Таким образом, в современном международном праве выделяются пять основных статусов для детей в условиях вынужденной миграции: дети-беженцы; дети, ищущие убежища; дети, находящиеся под временной защитой; дети, находящиеся под дополнительной защитой; внутренне перемещённые дети. При этом объём прав и уровень защиты для каждой категории указанных лиц определяется не только его формальным статусом, но и фактом сопровождения: несопровождаемые дети требуют особого внимания, усиленных гарантий и специализированных процедур, учитывающих их особую уязвимость и право на участие в решениях, затрагивающих их жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аннан, Кофи А. Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов: Годовой доклад о работе Организации за 1999 год: пер. с англ. / Кофи А. Аннан. – Нью-Йорк: Департамент общественной информации, 1999. – 139 с.
2. В какой стране больше всего мигрантов // iWorld [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iworld.com/ru/blog/which-country-has-the-most-migrants> (дата обращения: 15.08.2025). – Загл. с экрана.
3. Конвенция о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи ООН).

- Ассамблеи ООН от 14 декабря 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
4. Протокол, касающийся статуса беженцев (принят 31 января 1967 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
5. Гукешев, А. А. Правовое обеспечение системной реформы политики Европейского Союза в сфере вынужденной миграции: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 5.1.5 – Международно-правовые науки / А. А. Гукешев. – М., 2023. – 325 с.
6. К проблеме перемещения внутри страны: параметры ответственности национальных властей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/04_national_responsibility_framework_Rus.pdf (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
7. Конвенция о правах ребенка: Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
8. Киселёва, Е. В. Временная и дополнительная защита по современному международному праву / Е. В. Киселёва // Международный правовой курьер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inter-legal.ru/vremennaya-i-dopolnitelnaya-zashhita-po-sovremennomu-mezhdunarodnomu-pravu-complementary-forms-of-protection-in-contemporary-international-law?ysclid=m7m1hrfdjg78077174> (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
9. О минимальных стандартах для предоставления временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц и о мерах, обеспечивающих баланс усилий государств-членов ЕС при приеме таких лиц и принятии последствий их приема: Директива Совета Европейского Союза 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70475158/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
10. О беженцах: Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2020 года № 51-5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/400742943/?ysclid=m7m24p2ual187148006> (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
11. Дополнительные формы защиты: их характер и отношение к международному режиму защиты беженцев EC/5Q/SC/CRP.18 от 9 июня 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/reference/legalpolicy/unhcr/2000/ru/58460> (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
12. Макфарлейн, М., Рубинштейн, Б.Л., Со, Т. и др. Наблюдение за детьми, оставшимися без сопровождения взрослых, в пострадавших от засухи районах на севере Эфиопии // BMC IntHealthHumRights 19 (2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8613ffe7-67c009a5-5eebbbe8-74722d776562/https/bmcinthealthhumrights.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12914-019-0203-9 (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
13. Рекомендации по международной защите № 8: Обращения детей за предоставлением убежища в соответствии со статьями 1 A(2) и 1 F Конвенции 1951 года и/или Протокола 1967 года, касающихся статуса беженцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2009/ru/71246> (дата обращения: 10.06.2025). – Загл. с экрана.
14. Маркелова, М. Н. Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право. Европейское право / М. Н. Маркелова. – М., 2019. – 26 с.

Поступила в редакцию 20.08.2025 г., рекомендована к печати 17.09.2025 г.

CHILDREN IN CONDITIONS OF FORCED MIGRATION: CONCEPTS AND MAIN TYPES OF INTERNATIONAL LEGAL STATUS

Odegova L. Yu., Solovyova Yu. A.

The article is devoted to the analysis of the legal status of children who are in the conditions of forced migration. The authors criticize the lack of a universal legal definition of the concept of "forced migration". The authors come to the conclusion that it is possible to distinguish five main types of international legal status of children in forced migration conditions: refugee children; children seeking asylum; children under temporary or additional protection; internally displaced children. It is emphasized that the scope of rights and the level of protection of such children depend significantly on whether they are considered accompanied or unaccompanied, which requires the application of special procedures and enhanced guarantees.

Keywords: migration; forced migrant; international legal status; a child in a situation of forced migration; a refugee; refuge

Одегова Людмила Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: milaodegova17@mail.ru

Соловьёва Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: soloveva5585@bk.ru

Odegova Lyudmila Yurievna

Candidate of law, Associate Professor, Head at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: milaodegova17@mail.ru

Solovyova Yulia Alexandrovna

Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: soloveva5585@bk.ru

УДК 342

DOI 10.5281/zenodo.17820569

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2025. Н.Г. Полякова, В.Ю. Поляков

В статье исследуется институт принципов международного публичного права в контексте их правовой природы, эволюционного развития и функционального предназначения. Автор анализирует особенности принципов как регуляторов межгосударственных отношений в условиях отсутствия централизованной системы принуждения, характерной для национальных правовых систем. Особое внимание уделяется проблеме соотношения принципов с императивными нормами (*jus cogens*), анализируются критерии формирования и признания императивного характера норм, а также механизмы их воздействия на правовую систему в целом. В работе обосновывается тезис о двойственной функции принципов: регулятивной (определение базовых правил межгосударственного общения) и динамической (служение катализатором прогрессивного развития системы международного права). Материалы статьи имеют теоретическое и практическое значение для дальнейшего развития доктрины международного права, а также для совершенствования механизмов защиты основополагающих ценностей мирового сообщества через институт императивных норм.

Ключевые слова: международное публичное право, принципы права, императивные нормы, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств, право на самоопределение, разрешение споров мирными средствами, обычное международное право, иерархия норм, правовая эволюция, верховенство права.

Введение. Современный этап развития международных правоотношений характеризуется нестабильностью вследствие обострения противоречий между государствами в военно-политической, экономической, информационной и других сферах. Существующая система международной безопасности и ее правовая регламентация нуждаются в пересмотре и совершенствовании с учетом интересов всех участников международных правоотношений. Важнейшая роль в обеспечении как стабильности международно-правового регулирования, так и его гибкости, принадлежит принципам международного права.

Правовая природа, система и генезис принципов международного права освещены в работах А.Х. Абашидзе, Д. Анцилотти, Н.О. Мороз, Е.В. Постниковой, Э.А. Пушмина, Ю.С. Ромашева, Г.И. Тункина, А. Фердросса и др. При этом, нормативно закрепленная система международно-правовых принципов требует дальнейшей доктринальной разработки с учетом особенностей современного этапа развития международных правоотношений, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования заключается в анализе правовой природы и системы принципов международного права на современном этапе развития международных отношений.

Основная часть. Международному публичному праву как особой правовой системе, регламентирующей отношения между государствами, присущ ряд особенностей. В частности, такие сущностные характеристики права как общеобязательность и гарантированность исполнения с применением системы принуждения, присущи ему лишь отчасти. В то же время, международному праву не чуждо использование такой разновидности правовой материи, как принципы права, обеспечивающие одновременно, стабильность и гибкость международно-правового регулирования в стремительно меняющихся условиях.

Традиционно в науке международного права принято выделять следующие принципы: 1) принцип неприменения силы и угрозы силой; 2) принцип разрешения международных споров мирными средствами; 3) принцип невмешательства во внутреннюю

компетенцию государств; 4) принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом; 5) принцип равноправия и самоопределения народов; 6) принцип суверенного равенства государств; 7) принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву; 8) принцип нерушимости государственных границ; 9) принцип территориальной целостности государств; 10) принцип уважения прав человека и основных свобод. В то же время, на сегодняшний день отсутствует единый подход к пониманию правовой природы указанных правовых категорий и механизма их реализации в рамках международного публичного права.

Исследование сущности и регулирующего потенциала принципов международного права представляется целесообразным осуществлять с учетом правовой природы понятия «принцип права» как общеправовой категории.

История международного права демонстрирует динамичную эволюцию принципов: многие из них имеют древние корни, однако их интерпретация постоянно трансформируется. Неизменность формулировок не препятствует содержательному развитию, обусловленному изменениями в международных отношениях. Показательным примером является принцип самоопределения народов. Первоначально служивший инструментом деколонизации, сегодня он получил расширительное толкование, охватывая вопросы формирования суверенных государств, добровольного присоединения территорий и выбора любых форм политического самоопределения. Такая гибкость доказывает, что даже устоявшиеся принципы сохраняют потенциал для адаптации к новым вызовам, оставаясь живым элементом правовой системы [1, с. 25].

Международно-правовые принципы выполняют не только регулятивную, но и динамическую функцию, служа катализатором прогрессивного развития как системы международного права в целом, так и его отдельных институтов. Они определяют стратегические направления правовой эволюции, формируют основу для генерации новых нормативных конструкций и обеспечивают качественную трансформацию правового регулирования межгосударственных отношений [2, с. 233].

Исторический анализ свидетельствует о том, что формулировки принципов международного права подвержены существенной трансформации в ответ на изменение геополитической реальности. Наглядной иллюстрацией служит эволюция подходов к разрешению международных споров: изначально допускавший применение военной силы принцип сменился современным императивом, закрепленным в Уставе ООН, который обязывает государства воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности и политической независимости любого государства, так и в любой иной форме, противоречащей целям Организации [3, с. 141].

Вместе с тем существует ядро фундаментальных принципов, обладающее высокой степенью устойчивости и консерватизма. К таким неизменным основам современной международно-правовой системы относятся принципы суверенного равенства государств и добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*). Их содержание и значение настолько прочно интегрированы в структуру мирового правопорядка, что кардинальная ревизия этих принципов не только маловероятна в обозримой перспективе, но и чревата полным разрушением существующих основ межгосударственного взаимодействия. Подобные изменения привели бы не просто к модификации отдельных норм, но к фундаментальной перестройке самой природы международного права и его системообразующих элементов [4, с. 205].

Международно-правовые принципы находятся в органическом единстве с внеправовыми категориями — моральными установками и политическими доктринами, формируя единую систему ценностных ориентиров мирового сообщества. Данная взаимосвязь проявляется в их двойственной природе: они одновременно инкапсулируют этические императивы и политические установки, а также служат юридической основой для создания и поддержания стабильного международного правопорядка. Характерным

примером служит принцип равноправия и самоопределения народов, изначально сформулированный как политическая категория, но получивший полное воплощение лишь в правовой форме, что демонстрирует их неразрывное единство [5, с. 112].

Ряд фундаментальных концепций, таких как верховенство права и уважение прав человека, трансцендентны по своей природе, находясь на стыке политического и правового дискурсов. Их синтетический характер обеспечивает особую устойчивость: когда моральные императивы обретают политическое признание и правовое оформление, они становятся более жизнеспособными и стабильными. Данная интеграция различных типов принципов выполняет фильтрующую функцию в международной системе, способствуя консолидации устойчивых межгосударственных отношений и естественному отторжению норм, не соответствующих современным цивилизационным требованиям и не имеющих под собой прочной этико-политической основы. Такая системная взаимообусловленность принципов выступает гарантом эволюционного развития международного права в соответствии с меняющимися потребностями глобального сообщества [6].

Принципы могут приобретать статус императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Появление таких принципов является результатом объективного общественного развития и отражает наиболее приоритетные потребности эволюции межгосударственных отношений. Эти принципы могут формироваться двумя путями: как результат обобщения идей, присущих множеству норм международного права, или как исходная основа для создания целой системы согласованных подчиненных норм. В обоих случаях они обладают высшей юридической силой и характеризуются недопустимостью односторонних отступлений, что подчеркивает их особое место в иерархии международно-правовых норм.

В Пятом докладе Комиссии международного права, посвященном императивным нормам общего международного права (*jus cogens*) [7], было установлено, что для признания нормы императивной необходимо ее принятие и признание "очень широким и репрезентативным большинством государств", тогда как единогласное согласие всех государств не требуется. Данное положение коррелирует с определением, закрепленным в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласно которому достаточным является признание нормы "международным сообществом государств в целом". Важно отметить, что Венская конвенция имеет ограниченную универсальность, поскольку участниками этого документа являются лишь 116 государств (около 60% членов ООН).

Согласно Выводу 14 проекта статей Комиссии, правило о настойчивом возражении (*persistent objection*), допустимое в обычном международном праве, не применяется к императивным нормам. При этом Вывод 5 подчеркивает, что основным источником формирования императивных норм выступает обычное международное право.

Существенная теоретическая дилемма заключается в том, что принципы, обладающие статусом *jus cogens*, становятся юридически обязательными даже для тех государств, которые не выражали своего согласия на их применение, будучи вынужденными подчиниться консенсусу международного сообщества. Это создает определенное противоречие с традиционной теорией согласия, лежащей в основе формирования обычных норм международного права, где государство вправе выразить настойчивое возражение в период становления обычая. Данное противоречие, на наш взгляд, разрешается тем обстоятельством, что отступление от принципа согласия допустимо только в случаях, когда сама процедура формирования императивных норм закреплена в специальных нормах международного права, обладающих обычным характером и относящихся к праву международных обычаев.

В Выводе 5 проекта статей также признается возможность формирования императивных норм на основе договорных положений. Это порождает сложную проблему: может ли норма, закрепленная в международном договоре с участием большинства, но не

всех государств, приобретать статус императивной и тем самым становиться обязательной для третьих стран? С одной стороны, при условии прогрессивного характера нормы и ее соответствия объективным потребностям мирового развития это явление следует расценивать положительно. С другой стороны, существует риск, когда группа государств-участников договора навязывает свою волю третьим странам, отражая исключительно свои узкие интересы. В такой ситуации норма не может считаться нормой общего международного права без нарушения самой природы международного правопорядка и его фундаментальных принципов.

По нашему мнению, оптимальной последовательностью формирования императивных норм должна быть их первоначальная кристаллизация в качестве обычных норм международного права с последующей кодификацией в универсальных договорах. В то же время нельзя исключать и обратный процесс, когда договорные положения становятся катализатором формирования международного обычая, содержащего императивную норму.

При анализе правовых основ возникновения принципов-императивов необходимо учитывать два ключевых аспекта. Первый — разработка объективных критериев определения императивного характера нормы-принципа, включая требование ее "принятия и признания очень широким и репрезентативным большинством государств". Эти критерии должны иметь характер обычных норм международного права, а не обладать императивной природой. Хотя они могут быть зафиксированы в кодифицирующих универсальных договорах, существующий критерий из Венской конвенции о праве международных договоров отличается излишней общностью и допускает широкий простор для субъективных толкований, что неизбежно ведет к спорам при практическом применении норм-принципов *jus cogens*.

Современные дискуссии о критериях определения императивных норм общего международного права носят преимущественно доктринальный характер и отражают субъективные позиции отдельных исследователей, в частности авторов проекта Выводов Комиссии международного права. Даже в случае принятия этих Выводов в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, они сохраняют рекомендательный характер, не обретая автоматически юридической обязательности. Единогласная поддержка резолюции не гарантирует придания проекту нормативной силы. Для формирования юридически обязательных критериев необходимы либо всеобщая практика государств при наличии соответствующего правового убеждения (*opinio juris*), либо конвенционное закрепление выводов Комиссии максимально широким кругом государств в качестве промежуточного этапа.

Вторая ключевая проблема связана с конкретизацией самого перечня императивных норм-принципов и их точных формулировок. Комиссия международного права предлагает следующие примеры таких норм (независимо от их классификации как принципов или конкретных норм): запрещение агрессии, геноцида и преступлений против человечности; основные нормы международного гуманитарного права; запрещение расовой дискриминации, апартеида, рабства и пыток; право на самоопределение.

Императивные нормы общего международного права обладают особым правовым статусом, порождая обязательства *erga omnes* (перед всем международным сообществом), в которых заинтересованы все государства. Государства, не выразившие активного согласия с такой нормой во время ее формирования, фактически молчаливо признают ее, поскольку механизм настойчивого возражения в отношении *jus cogens* неприменим. Эти государства вынуждены строить свои международные отношения в соответствии с императивными нормами, не имея возможности действовать вопреки объективным потребностям развития международных отношений.

Императивные нормы выполняют фундаментальную функцию защиты основополагающих ценностей мирового сообщества, занимая высшую ступень в иерархии

международно-правовых норм. Они обладают универсальной применимостью и создают правовые рамки, с которыми не могут противоречить как существующие, так и формирующиеся договорные и обычные нормы, не имеющие императивного характера.

Важным источником императивных норм могут служить положения общих принципов права, также относящиеся к категории общего международного права. Эти принципы широко применяются в практике международных судебных органов и в межгосударственных отношениях в качестве применимого права.

Что касается критериев выявления общих принципов права, как имеющих императивный характер, так и не относящихся к *jus cogens*, то в настоящее время существует лишь множество доктринальных подходов без единой методологии. Особенно сложным остается вопрос о нормах, регулирующих создание, действие и прекращение общих принципов права. Ожидается, что принятие проекта Выводов Комиссии международного права по общим принципам права сможет внести ясность в эту проблему, хотя окончательное решение потребует длительного периода признания и применения этих принципов в международной практике.

Выводы. Таким образом, принципы международного публичного права представляют собой динамичный и многоуровневый институт, играющий ключевую роль в обеспечении стабильности и эволюции мирового правопорядка. Их правовая природа характеризуется сложным взаимодействием правовых, моральных и политических элементов. Особенно высоким правовым статусом обладают принципы-императивы (*jus cogens*), хотя процесс их формирования и признания сопряжен с рядом теоретических и практических трудностей. Решение этих проблем требует разработки объективных критериев определения императивного характера норм и создания справедливой процедуры их признания международным сообществом. В перспективе дальнейшее развитие института принципов международного права будет способствовать укреплению верховенства права в международных отношениях и обеспечению коллективной безопасности на глобальном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брит, Е. В. Ответственность государств в современном международном праве / Е. В. Брит // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VI межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 444-448.
2. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Бельгия против Испании), Reports of the International Court of Justice, 1970. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/foreign/international/1970-icj-rep-3.html> (дата обращения: 08.08.2025). – Загл. с экрана.
3. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/sixth/56/sixth_res.shtml (дата обращения: 08.01.2025). – Загл. с экрана.
4. Ушаков, Н. А. Основания международной ответственности государств / Н. А. Ушаков. – Москва: Международные отношения, 1983. – 181 с.
5. Тиунов, О. И. СССР и обеспечение международных договоров: учеб. пособие / О. И. Тиунов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 147 с.
6. Рассказов, Л. П., Упоров, И. В., Трунцевский, Ю. В. Ответственность за транснациональные преступления: монография / Л.П. Рассказов, И.В. Упоров, Ю.В. Трунцевский; Краснодар. юрид. ин-т. – Краснодар, 2000. – 119 с.
7. Лобанов, С. А. Понятие международно-правовой ответственности: дискуссионные вопросы / С. А. Лобанов // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. – 2014. – № 2. – С. 47-54.
8. Недбайло, П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П.Е. Недбайло // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – № 3. – С. 44-53.
9. Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 08.08.2025). – Загл. с экрана.

10. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2007. – 934 с.

11. Решение Международного суда ООН (ICJ) от 23 января 2020 года по делу «Гамбия против Мьянмы» (Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210013673> (дата обращения: 08.08.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 11.08.2025 г., рекомендована к печати 22.09.2025 г.

TO THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW

Polyakova N.G., Polyakov V.Yu.

The article examines the institution of the principles of international public law in the context of their legal nature, evolutionary development and functional purpose. The author analyzes the features of the principles as regulators of interstate relations in the absence of a centralized system of coercion, which is typical for national legal systems. Special attention is paid to the problem of the relationship between principles and mandatory norms (*jus cogens*), the criteria for the formation and recognition of the mandatory nature of norms, as well as the mechanisms of their impact on the legal system as a whole. The paper substantiates the thesis on the dual function of principles: regulatory (determining the basic rules of interstate communication) and dynamic (serving as a catalyst for the progressive development of the international law system). The materials of the article are of theoretical and practical importance for the further development of the doctrine of international law, as well as for improving the mechanisms for protecting the fundamental principles of international law.

Keywords: international public law, principles of law, imperative norms, sovereign equality of states, good faith performance of obligations, the right to self-determination, the resolution of disputes by peaceful means, customary international law, the hierarchy of norms, legal evolution, and the rule of law.

Полякова Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.

E-mail: ngpolyakova@inbox.ru

Поляков Виталий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.

E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakova Natalya Gennadievna

Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,

Russian Federation, DPR, Donetsk.

E-mail: ngpolyakova@inbox.ru

Polyakov Vitaly Yurievich

Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,

Russian Federation, DPR, Donetsk.

E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Редакция журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» принимает к рассмотрению на предмет опубликования в журнале ранее не опубликованные и не представленные для одновременной публикации в других изданиях научные статьи по тематике журнала.

2. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

- постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;
- анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;
- формулирование цели и постановка задач;
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

3. Обязательные требования к оформлению статей:

- **Объем статьи** — 5–10 страниц печатного текста
- **Размер бумаги:** А4.
- **Ориентация:** книжная.
- **Поля:** зеркальные, верхнее – 30 мм, нижнее – 30 мм, внутри – 30 мм, снаружи – 20 мм.
- **Положение верхнего и нижнего колонтитула относительно края:** 2 см.
- **Междустрочный интервал:** одинарный.
- **Абзацный отступ:** 1 см.
- **Основной текст статьи:** шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.
- **Аннотация, список источников, сведения об авторах:** шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.
- **Подписи, заглавие и содержание таблиц:** шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по центру, без автоматической расстановки переносов.

4. Текст статьи должен соответствовать следующей структурной схеме:

- **Первая строка:** индекс УДК – выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.
- **Через строку:** **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, выравнивание по центру, прописными буквами, без переноса слов, без абзацного отступа.
- **Через строку:** копирайт © и год – полужирный, выравнивание по левому краю, без точки после года, через 3 пробела *фамилия(и) и инициалы автора(ов)* – полужирный, курсив, выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.
- **Через две строки:** аннотация объемом до 100 слов, кратко отражающая предмет статьи, примененные методы исследований и основные результаты, полученные авторами.
- **На следующей строке:** словосочетание *Ключевые слова:* – полужирный, курсив. Далее приводятся ключевые слова количеством до 10 слов, отделяемых друг от друга запятой. Блок аннотация и ключевые слова рекомендуется отделять от основного текста с помощью инструмента «Границы».
- **Через две строки:** основной текст статьи, который содержит введение, основную часть и выводы. Во **введении** рекомендуется излагать постановку проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, анализ последних

исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировку целей статьи. В **основной части** рекомендуется излагать основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Основную часть рекомендуется структурировать на разделы с названиями, отражающими их содержание (например: постановка задачи; методы ее решения; анализ полученных результатов). В **выводах** рекомендуется кратко и четко подводить итоги основных результатов, полученных авторами и описывать перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

- **Через строку:** словосочетание **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** размером 10 пт., полужирный, выравнивание по левому краю, прописными буквами, без абзацного отступа. Далее через строку с абзацным выступом 0,5 см приводится нумерованный перечень используемых источников общим списком *в порядке упоминания* в тексте на языке оригинала в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылка на источник приводится в квадратных скобках. Разрешается ссылаться только на опубликованные работы. Необходимо наличие источников последних 5-10 лет по исследуемому вопросу.

- **Через строку:** надпись «Поступила в редакцию *xx.xx.20xx г.*, рекомендована к печати *xx.xx.20xx г.*» размером 10 пт., курсив, выравнивание по правому краю.

- **Через строку:** приводится **НАЗВАНИЕ** статьи, **фамилия(и) и инициалы автора(ов)**, аннотация и ключевые слова (**Keywords**) на английском языке (перевод) размером 10 пт.

- **Через строку:** сведения об авторах размером 10 пт., в таблице с параметром «Нет границ», содержащей два столбца (для сведений на русском и английском языках):

- **Фамилия, имя, отчество;**

- ученая степень, ученое звание, должность, с указанием организации (в соответствии с уставом), которую представляет автор;

- страна, город;

- адрес электронной почты.

5. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

6. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

7. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

8. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

9. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

10. Публикация статей в журнале бесплатная.

Образец оформления статьи

УДК 342.7:004.8

DOI:

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

© 2025. Е.А. Матвиенко

В статье анализируются основные направления существующие в научной доктрине в области соблюдения прав человека в условиях применения систем искусственного интеллекта, как ответной реакции на происходящие глобализационные и интеграционные процессы. Автором аргументировано приводятся как положительные аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта, так и вероятность неблагоприятного их влияния на права человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, глобализация, интеграционные процессы, система искусственного интеллекта, защита прав человека.

Введение. Современное общество характеризуется своими глобализационными и интеграционными процессами, которые выступают приоритетными направлениями в развитии и модернизации существующего внутреннего устройства государства. Рассматриваемые процессы взаимосвязаны и взаимодополняемы между собой. Глобализацию можно описать как возможность всемирной унификации в различных областях и сферах деятельности общества и государства в целом, с помощью которого происходит ускоренный обмен информацией, технологиями, товарами и услугами, как результат взаимовлияния коммуникаций государств. В свою очередь, интеграцию можно интерпретировать как синтез, то есть процесс объединения разнородных элементов в единое целое. По справедливому утверждению Ждановой М.Г. «...об интеграции же имеет смысл говорить в том случае, если связи между ранее разнородными и независимыми элементами становятся для них существенными, но самое главное они становятся взаимозависимыми. Другими словами, интеграция – это процесс организации отношения элементов, в котором сохраняется их относительная самостоятельность» [1, с. 1].

Основная часть......
.....
.....

Выводы. Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта дают широкие возможности, позволяют автоматизировать рутинные процессы.....

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жданова, М. Г. Понятие «интеграция» в исследовании социальных процессов / М. Г. Жданова // Медицина и образование в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 1-7.
2. Майоров, А. С. Содержание юридического конструкта «права человека как высшая ценность государства»: теоретико-правовой анализ // Юридическая наука, № 7, 2023. – С. 34-38.
3. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. – 258 с.
4. Кирса, А. С. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Молодой ученый. – 2020. – № 50 (340) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/340/76371/> (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.02.2024). – Загл. с экрана.

6. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Russian Journal of Economics and Law. 2008. №1 (5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-neprikosновенnost-chastnoy-zhizni-yuridicheskaya-harakteristika-i-problemy-realizatsii> (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
7. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект и робототехника: Возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в Европейском союзе и мире // Lex Russica. - М., 2019. - № 7 (152). – С. 151-159.
8. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе / С.Ю. Кашкин, А.В. Покровский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М., 2019. - № 4. – С. 64-90.
9. Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks / Raso F., Hilli-goss H., Krishnamurthy V., Bavitz C., Kim L.; Berkman Klein Center for Internet & Society research publication. – 2018. – P. 3-62.

Поступила в редакцию xx.xx.2025 г., рекомендована к печати xx.xx.2025 г.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Matvienko E.A.

The article analyzes the main directions existing in the scientific doctrine in the field of human rights in the context of the use of artificial intelligence systems as a response to the ongoing globalization and integration processes. The author provides both the positive aspects of the introduction of artificial intelligence technologies and the likelihood of their adverse impact on human rights.

Keywords: human rights and freedoms, globalization, integration processes, artificial intelligence system, human rights protection.

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Matvienko Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Научное издание

Вестник Донецкого университета.

Серия 06. Юридические науки

Научный журнал

2025. – № 4.

Технический редактор: К.Е. Свиридова

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 283001, Российская Федерация, ДНР,
г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru URL: <https://dongu-vestnik06.ru>

Подписано к изданию 30.10.2025 г.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, Российская Федерация, ДНР, г. Донецк, ул.
Университетская, д. 24.